

18+

Александр Черенов

**ЗАГОВОР ПРОТИВ
ЗАГОВОРА: ГКЧП-3**

КНИГА ВТОРАЯ

Александр Черенов

**Заговор против заговора:
ГКЧП-3. Книга вторая**

«Издательские решения»

Черенов А.

Заговор против заговора: ГКЧП-3. Книга вторая / А. Черенов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-516671-5

Политический детектив в жанре исторической альтернативы. Опираясь на факты, автор рискнул взглянуть на события августа 1991 года под другим углом зрения. Причина: в истории с ГКЧП обнаруживаются явные следы нескольких заговоров. И каждый из них преследовал свои цели — как и каждый из заговорщиков. В романе в невыдуманной реальности действуют исторические лица и учреждения. Единственная «не охваченная» историками структура — «Организация», нечто среднее между «разведкой партии» и масонской ложей...

ISBN 978-5-00-516671-5

© Черенов А.
© Издательские решения

Содержание

Глава восемнадцатая	6
Глава девятнадцатая	15
Глава двадцатая	26
Глава двадцать первая	33
Глава двадцать вторая	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Заговор против заговора: ГКЧП-3 Книга вторая

Александр Черенов

© Александр Черенов, 2020

ISBN 978-5-0051-6671-5 (т. 2)

ISBN 978-5-0051-6622-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава восемнадцатая

– Роберт, как, там, у нас... в России?

Президент Соединённых Штатов нервно прикусил ноготь и пробежался по условным просторам Овального кабинета.

Старательно обходя двусмысленность фразы «у нас, в России», помощник президента и заместитель советника по национальной безопасности Роберт Гейтс уверенно двинул головой.

– Не извольте сомневаться, мистер президент. Все вопросы, связанные с Москвой, находятся под нашим полным контролем.

– Ельцин?

– Знает, что мы делаем на него ставку, и поэтому ведёт себя вполне адекватно.

– Горбачёв?

Гейтс усмехнулся.

– Думает, что может перехитрить самого дьявола. Но в целом и он не выходит за пределы отведённой ему роли.

– А этот...

Буш нетерпеливо защёлкал пальцами.

– ГКЧП?

– Да: ГКЧП. От него не может быть неожиданностей?

Даже не задумавшись, Гейтс отрицательно покачал головой.

– Исключено, сэр. Кандидатуры членов ГКЧП Горбачёв – через Яковлева – согласовывал с нами. Сами понимаете, что ни одной серьёзной кандидатуры мы туда пропустить не могли. Всё, что там находится – пустышки, не стоящие Вашего внимания, сэр.

Обычно не слишком глубокомысленный и не вдающийся в детали, на этот раз президент с сомнением покачал головой.

– ??? – честно удивился Гейтс.

– Слишком хорошо всё складывается, Роберт. Слишком хорошо для того, чтобы быть правдой...

– Сэр, но я уверяю Вас...

– Роберт, Америка всегда славилась не только решительностью, но и мозгами!

Буш выразительно окаменел лицом.

– Вы можете дать мне гарантию того, что события находятся под полным нашим контролем? Я подчёркиваю, Роберт: под полным?

Гейтс растерялся: он никак не ожидал от этого «техасского пастушка», обычно поверхностного и неглубокого даже в бытовых суждениях, такой «большевистской принципиальности».

– Сэр... мистер президент... я... мы досконально изучили расклад сил на политической карте России. Не ошибусь, если скажу: сегодня в России – две реальные силы: консерваторы и либералы. Консерваторы разобщены и не организованы, действуют, каждый сам по себе – а потому не представляют для нас никакой угрозы.

– А куда Вы относите ГКЧП?

Гейтс не задумался и на этот раз: талантом аналитика Господь его не обделил.

– «Путч» – так мы рекомендовали Ельцину и Горбачёву определить предстоящие события – это восстание фаворитов Горбачёва, наделённых условно большой властью, но оттеснённых от реальной политики. Это – восстание преданных людей, понявших, что хозяин завёл их в политический тупик.

– Вы хотите сказать, что это – не путч коммунистов?

Отчётливо слышное неудовольствие в голосе президента не смутило помощника и не поколебало его уверенности.

– Нет, сэр: это – не «путч коммунистов». Так называемая «трезвомыслящая часть» КПСС уже давно отошла от Горбачёва. Так, что предстоящие события – это... Если проводить градацию на европейский манер, сэр, в соответствии с политическими критериями, например, Бонна или Парижа, то это – восстание левых социалистов против правых социалистов и антикоммунистов. Так, что никакой это не путч коммунистов, сэр. Просто социалисты из ближайшего окружения Горбачёва поняли, наконец, что хозяин привёл их в антикоммунизм. Как тот Иван Сусанин.

– А это ещё – кто?

– Русский национальный герой, сэр. В начале семнадцатого века, зимой, вызвался показать дорогу польским интервентам – и завёл их в дикий лес, где все они и погибли.

Гейтс усмехнулся.

– Конечно, Горбачёв – «Иван Сусанин» весьма условный, сэр. Ведь тот крестьянин совершил подвиг – а Горбачёв обещал вывести страну на новый путь, а вместо этого подвёл её к краю гибели.

– То есть, сделал для нас доброе дело, – покривил щекой Буш.

– Не буду спорить, сэр, – так и делал Гейтс.

Буш уже вернулся к образу президента – и старательно наморщил лоб.

– Значит, это – не захват власти?

– Нет, сэр. Люди из ГКЧП не нуждаются в захвате власти: они и есть власть. Поэтому вся их деятельность – это плохо организованная... будем надеяться... попытка группы руководителей спасти гибнущий Союз. Это – попытка людей, которые верят в то, что их поддержит президент, что он отложит подписание проекта Союзного договора.

– Он так важен? – не притворно удивился Буш.

– Он означает юридическое оформление конца СССР, сэр, – почтительно склонил голову Гейтс.

На этот раз Буш отмолчался, и не меньше трёх минут, что было удивительно для этого импульсивного человека, молча бродил по просторам Овального кабинета. Рафинированный интеллигент Гейтс с удивлением наблюдал за тем, как лицо президента одолевали сомнения и «прочие» мысли. Наконец, в метре от помощника Буш решительно отвернул в сторону.

– На какой день назначено выступление ГКЧП, Роберт?

– На семнадцатое-восемнадцатое, сэр.

– Значит, вмешательство третьей стороны Вы полностью исключаете?

У Гейтса отвисла челюсть: такого «апперкота» от президента он не ожидал. По причине «нокдауна» не меньше минуты у него ушло на восстановление рабочих кондиций. И только «на заре» второй минуты он смог почти смущённо откашляться.

– Я не вполне уверен, сэр, что понимаю Вас...

– А чего тут понимать! – не отказал себе в удовольствии «побыть ковбоем» Буш. – Вы нарисовали схему, в которой задействованы только две силы. Я их вижу – и потому не боюсь их. Но у меня – такое чувство, что не только эти силы, но и мы с Вами, Роберт, находимся под колпаком у более могущественного господина... или товарища, если угодно...

Гейтс судорожно дёрнул кадыком – и постараться рассмеяться как можно беззаботней. Правда, беззаботность вышла слишком... беззаботной для того, чтобы поверить в её достоверность.

– Сэр, если Вы говорите о Господе Боге или Сатане, то я не стану возражать: все мы – под колпаком у одного из них.

Буш недовольно поморщился: шутка явно не пришлась ему по нраву.

– Роберт, я – серьёзно!.. У Вас нет такого ощущения? Вы досконально изучили расклад сил в России?

Настырность босса поколебала уверенность помощника: Гейтс почти растерялся.

– Сэр, мы скрупулёзно... мы изучили всех потенциальных комбатантов...

– Кого?!

– Виноват, сэр: всех вероятных участников событий... Ну, всех, кто может хоть как-то поучаствовать...

– А-а-а!.. И?

Гейтс отрицательно – но на этот раз далеко не так уверенно – помотал головой.

– Не нашли – или нет? – неожиданно тонко усмехнулся «пастушок» Буш.

Сквозь редяющие волосы на макушке Гейтса блеснули капельки пота. Очередной «удар под дых» вышел настолько «убойным», что и с ответом помощник задержался «сверх норматива». «И того, и другого» «в сумме набралось» столько, что Буш не смог не выразить удивления. Пусть одними лишь бровями – но не смог.

– Виноват, мистер президент! – встрепенулся Гейтс, и тут же «опустил очи долу». – Я не могу сказать «нет», сэр...

– Спасибо за честность, Роберт... Возможно, я не ошибся в Вас – и Вы в скором времени станете Директором ЦРУ. Ну, а если я ошибся – тогда...

Глядя на президента, Гейтс вздрогнул: ничто не выдавало сейчас в «стратегически задумавшемся» Буше техасского ковбоя...

... – Владимир Александрович? Ну, наконец-то!

Бакланов с видимым облегчением смахнул пот со лба.

– А мы тебя уже потеряли!.. Конечно, «обзвонились»!.. Докладываю: всё – как и ожидалось... Разумеется: ни «да», ни «нет»... Откуда звоню? Из машины – откуда ещё?.. Да, едем в Бельбек... Настроение?.. Ты ещё спрашиваешь?! Не знаю, как другие – а я буквально раздавлен! Какая он, всё-таки, сволочь! На кого молились?! Поневоле вспомнишь Шекспира: «И этот бог – какой ничтожный идол!»... Да, Владимир Александрович: именно поэтому я и звоню. Озадачивай своих! Подключай Язова – и начинаем работать по плану!.. Да, и вот, ещё: если ты поручишь мне лично арестовать Горбачёва – я сделаю это с огромным удовольствием!.. Ну, бывай!

Бакланов оглянулся на притихших компаньонов, и усмехнулся.

– Чего затихли, «орлы»? Или вы думали: он плюнет нам в лицо, мы утрёмся – и тем всё кончится? Нет, ребята: пора вылезать из окопов! Хватит уже нам быть «героями незримого фронта»!..

...Положив одну трубку, Крючков немедленно взялся за другую.

– Жижин? Егоров далеко от тебя?.. Нет?.. Тогда ноги в руки – и ко мне!

Через пять минут оба доверенных лица не слишком усердно тянулись во фронт в кабинете Председателя КГБ. Но даже такое усердие Крючков пресёк на корню.

– Нечего тут демонстрировать устав! Садитесь!

Когда оба сели «в голове» длинющего стола для заседаний, Владимир Александрович «возглавил процесс».

– Итак, мужики, наконец – как в той песне: «Дан приказ: тебе – на запад, ей – в другую сторону...»...

Жижин и Егоров взволнованно переглянулись.

– Да-да, – утвердительно смежил веки Крючков. – Операция «Заря» началась... Ну, то есть, решение о её начале принято. Ваша задача: в максимально сжатые сроки откорректировать все наработки по введению ЧП с учётом последних телодвижений сторон. Подключите Грачёва.

Во-первых, пусть он даст нам окончательную раскладку по силам и времени. А, во-вторых, мне важно знать его мнение о возможной реакции населения на объявление ЧП и ввод армии... Сроку вам...

Крючков наморщил лоб. Умные глаза его выглянули поверх золотой оправы.

– Часа хватит?

Егоров первым успел изумлённо отвесить челюсть – но Жижин ненамного отстал от него.

– Хорошо: два!

Императивный тон Председателя КГБ исключал возможность дискуссии – и «приглашённые товарищи» дружно, как ракета «с холодного старта», подросли над столом.

– Да-да: можете идти, – «без восклицательного знака» болезненно наморщил лоб Крючков, весь уже в мыслях и заботах о плановых делах, как всегда – на манер зимы в декабре – нагрянувших «внезапно». Но едва только исполнители растворились за дверью, рука Председателя КГБ «отклеилась» от подбородка – и медленно, словно нехотя, зависла над одним из телефонов прямой правительственной связи. Зависала она недолго: две-три секунды – и она уже снимала трубку аппарата белого цвета.

– Это – я... Нет, это – не телефонный разговор.

Услышав ответ «с того конца», Владимир Александрович медленно опустил трубку на рычаги – и задумался...

...Генерал армии Варенников положил на стол перед министром обороны тоненькую папку с выглядывающим из неё уголком бумаги.

– Здесь – то, о чём Вы просили, Дмитрий Тимофеевич: мой анализ ситуации.

Маршал Язов – в одной рубашке без галстука – болезненно поморщился, и прикрыл рукой воспалённые глаза.

– Всю ночь не спал: работал с документами, – словно извинился он за свой неуставной вид. – Да ты садись, Валентин Иванович: в ногах правды нет...

– Её нигде нет.

Не меняясь в лице, Варенников, обычно лёгкий и мобильный, тяжело опустился в кресло. Это было настолько показательно и необычно, что не могло ускользнуть даже от некондиционного взгляда Язова. Он вздохнул – и с пониманием скосил глаз на папку.

– Значит, ничем не обрадуешь?

– Обрадовал бы – да нечем, – так и не «размочил» лица Варенников.

– «Откуда дровишки?» – предпринял ещё одну неубедительную попытку Язов. Неубедительную хотя бы оттого, что уже одним тембром голоса, дрожащего и неуверенного, он и сам не сомневался в результате. И Варенников «не подвёл начальство».

– Лучше бы мне оказаться штабным лизоблюдом, Дмитрий Тимофеевич... Или неисправимым оптимистом типа страуса, зарывающего голову в песок... Увы, «дровишки» – не из «забытых газет времён Очакова и покоренья Крыма». Это – не плод «научных фантазий кабинетного червя». Мы с Агеевым...

– Из КГБ? – вздрогнул маршал.

– Так точно, Дмитрий Тимофеевич: с первым заместителем Председателя КГБ генерал-полковником Агеевым, Гением Евгеньевичем... Так, вот: мы с ним проверили каждый факт, каждую, хоть сколько-нибудь, достоверную информацию. Результат – неутешителен: выступление совершенно не подготовлено, и при этом каждый шаг ГКЧП тут же становится известен Ельцину и «демократам».

– С этого места – поподробнее, пожалуйста, – нахмурился Язов.

– Слушаюсь, товарищ министр.

– Оставь ты это! – в сердцах махнул рукой маршал. – Обидеть меня хочешь, что ли? Я с тобой – не как министр с подчинённым, а как один фронтовик – с другим фронтовиком.

– Тогда не обижайтесь на правду. Итак, первое, что бросается в глаза – отсутствие плана. ГКЧП принято решение об использовании Вооружённых сил, но плана операции нет. Мы с Вами, Дмитрий Тимофеевич – люди военные, и понимаем, что план – это не общеполитическое решение, не декрет, а детально проработанная операция. Этого нет и, насколько я понимаю, не будет. Люди в ГКЧП, похоже, думают, что всё делается само собой. Но так не бывает.

Варенников усмехнулся – впервые за встречу.

– Вы не поверите, Дмитрий Тимофеевич – но я присутствовал при докладе Золотова сначала командующему округом Калинин, затем – начальнику Генерального штаба Моисееву.

– Золотов... Золотов... – вопросительно наморщил лоб министр.

– Начальник штаба Московского округа, генерал-лейтенант... Комедия, Дмитрий Тимофеевич! Вернее, «всё это было бы смешно, когда бы не было так грустно». Золотов доложил обоим начальникам о том, что получил приказ о вводе бронетехники в Москву, и...

– Приказ?! – встрепенулся Язов. – Какой приказ?! Кто отдал приказ?!

Варенников спокойно пожал плечами.

– Со слов Золотова, приказ ему передал Калинин, а тому – из Генштаба со ссылкой на решение ГКЧП... и Ваше распоряжение, Дмитрий Тимофеевич.

Язов «в очередь» покраснел и побледнел. В обоих случаях склеротические изменения на коже лица стали ещё более «наглядными».

– Я не отдавал ни такого приказа, ни такого распоряжения... Тут надо ещё разобраться... Тут...

Варенников не стал удивляться – тем более, вслух – тому, как внезапно смутился и замельтешил министр обороны. Валентин Иванович прожил долгую жизнь, и уже потому имел основания ничему не удивляться, хотя и не всегда у него это получалось. Но сейчас он не стал вдаваться в детали – хотя «детали» просматривалось вполне отчётливо.

– Разрешите продолжить, Дмитрий Тимофеевич?

– Да, конечно!

Язов словно обрадовался «спасительному кругу», который бросил ему своим предложением Варенников. Это укрепляло подозрения – но Валентин Иванович и виду не подал.

– Был приказ, Дмитрий Тимофеевич, не было приказа – а Золотов и Калинин готовятся к вводу. Но как готовятся?! Золотов – мне кажется, хороший мужик – позвонил в Генштаб и спросил: «С кем будем воевать?». Оттуда его переслали почему-то... к Грачёву, командующему ВДВ.

Явно не принимая очевидную нелепость ситуации, и, тем не менее, вынужденный констатировать факт, Варенников покачал головой.

– Какое отношение этот недалёкий десантник имеет к танкам?! И как он мог ответить Золотову: «С кем прикажут – с тем и будете!»?!

– Так прямо и сказал? – осторожно, с одним вопросительным знаком, изумился маршал.

– Так и сказал... Дмитрий Тимофеевич, у Вас есть оперативная карта Москвы?

От непритворного изумления Язов настежь распахнул глаза.

– Оперативная?!

– Вот и в округе – нет! – отвердел скулами Варенников. – Как же можно при таких обстоятельствах вводить танки в многомиллионный город?!

Язов метнулся глазами, и судорожно дёрнул кадыком – как передёрнул затвор.

– И что – Золотов?

– Сказал, что они с Калининным достали все, какие можно было, справочники Москвы, и стали думать, где и как разместить технику...

Варенников ещё более посерел лицом, замолчал – но ненадолго: министр явно не спешил «с ответной речью».

– В сопровождении Золотова я побывал в тех частях, которые наметил к работе ГКЧП...

– В качестве кого побывал? – с тревогой в глазах моментально вскинулся Язов. – От ГКЧП?

– От себя, – даже не усмехнулся Варенников. – Как Главнокомандующий сухопутными войсками, которому подчиняются все части округа, а не только будущие «комбатанты».

– И?

– Удручающее зрелище.

Варенников почти обречённо махнул рукой.

– Во-первых, ни о какой моральной готовности войск к целевой работе и речи нет. Даже от командиров рот и батальонов отделяются намёками и полунамёками. В дивизиях очень сильно разлагающее влияние «демократов».

– А боеспособность? – дрогнул голосом Язов. Одна эта дрожь уже говорила за ненужность вопроса – но Варенников ответил.

– Ниже нуля, Дмитрий Тимофеевич. В лучшем случае, они не станут стрелять вам в спину...

– А дивизия имени Дзержинского?

Варенников скептически дёрнул щекой.

– Во-первых – не наша епархия: МВД. Во-вторых – придворная дивизия: этим сказано, если не всё, то многое. В третьих, я видел Пуго и разговаривал с ним...

С сокрушённым лицом Валентин Иванович медленно поводит головой из стороны в сторону.

– Что? – дополнительно упал духом министр.

– Как сказал ещё Клемансо, «сражение не проиграно до тех пор, пока от него не отказался сам полководец»... А Пуго отказался ещё до боя. Хороший, в общем, мужик – но трясётся, как осиновый лист... «Меня втянули», «Я не знал», «Я не понимал»...

Варенников от злости – кончились терпение и бесстрастность – «условно сплюнул» на пол.

– Ну, и народ! Какую полезную – для себя – публику собрал в ГКЧП этот «лучший немец»! «Тряпка» – на «тряпке», и «тряпкой» погоняет!

«Убитый» безжалостными оценками, Язов даже не попытался возмутиться, хотя Варенников недвусмысленно и его отнёс к «тряпкам»: ведь он тоже был избранником Горбачёва. Но для того, чтобы возмутиться и «одёрнуть нарушителя», Язов должен был обладать характером... Варенникова. Увы, Дмитрий Тимофеевич обладал только своим характером: грубовато простодушным, нерешительным, более чиновничьим, нежели полководческим. Других характеров у него в запасе не было.

Дополнительно «нарушая устав», Главком ещё и некорректно уставился в министра. Содержимое взгляда оказалось «смертоносным»: коктейль из жалости, презрения и насмешки. Язов не успел сманеврировать – и был проткнут этим взглядом насквозь. Текст «нарушителя» оказался не менее острым:

– Как Вы могли подыгрывать этим болтунам, Дмитрий Тимофеевич?! Уж, коль скоро Вас включили в ГКЧП, надо было использовать шанс по максимуму! А именно: заткнуть рты пустобрёхам, подготовить реальный план действий, довести его до исполнителей, обеспечить жесткий контроль, а главное: не бояться! Ничего не бояться: ни слова, ни дела, ни ответственности! Вы должны действовать, а не ждать указаний от этого... «Михал Сергеича»! Неужели Вы не понимаете: не будет никаких указаний! Этот подлец всех вас «бросил под танк» – а сам отошёл в сторону! Конечно, вряд ли он окажется «главным радующимся»: лавры достанутся Ельцину, а этому типу всего лишь «отсыплют от щедрот». Но в его положении и это что-то! А вы... вы все... «пойдёте в расход»! С таким отношением к делу иного пути у вас нет: только – «в расход»!

Варенников посмотрел на вжавшегося в кресло здоровяка Язова – и обречённо махнул рукой, будто сам себе отвечал: «глас вопиющего в пустыне». Маршал долго молчал, не поднимая глаз на контрагента, хотя встреча им не грозила: Валентин Иванович ушёл в себя, почему в его глазах сейчас была только пустота. Наконец, Язов прошёл дрожащей рукой по вспотевшим редющим волосам – и тяжело, словно штангист – рекордный вес, поднял глаза на Варенникова.

– Ну, спасибо тебе, Валентин Иванович: обрадовал...

– А я предупредил сразу, – не задержался Главком. – За бальзамом и елеем – это не ко мне, Дмитрий Тимофеевич...

– А напророчил-то!

Язов словно не слышал Варенникова.

– И ведь тоже скатился в политику...

– Могу вернуться в строй, – усмехнулся Варенников. – Вернуться?

Голос Валентина Ивановича прозвучал «многообещающе – и ничего хорошего» – но маршал только устало махнул рукой.

– Замахнулся – бей...

– Пойдём по вехам.

Варенников загнул один палец.

– Мы с Агеевым проверили все «течи» у нас и в КГБ... Ну, все, какие смогли найти...

– И?

– У нас «течёт» через Грачёва, Лебеда и связистов Генштаба генералов Лисовского и Зарембо. Первый информирует Ельцина о каждом шаге ГКЧП, двое последних обеспечивают связь Ельцина с войсками. Ничего удивительного: они с потрохами – люди Кобеца, которым сам с потрохами – человек Ельцина... Как и Грачёв, впрочем: три недели назад, когда Ельцин побывал «с визитом» в Тульской дивизии, Паша заверил Бориса Николаевича в своей безоговорочной преданности. Кстати, факт переговоров Грачёва с Ельциным зафиксирован людьми Агеева.

– КГБ следит за нами?!

На этот раз Язов не поспешил на знаки в голосе. Только напрасно он старался: не возымело.

– Не тем возмущаетесь! – отступил от устава Варенников. – Да и не за нами – а за ними! За ельцинистами! За «пятой колонной» в министерстве! Кстати, Вам интересно будет послушать запись: Паша открыл Борису Николаевичу не только свою душу, но и все доступные секреты МО и ГКЧП!

– А наши дивизии?! – не выдержал обилия негатива маршал.

Варенников усмехнулся.

– Наши ли? Не забывайте, Дмитрий Тимофеевич: Таманская дивизия, Кантемировская дивизия, Рязанская и Тульская дивизии ВДВ – придворные части...

– А эта... как её... «Альфа»?!

Варенников нахмурился – и, предваряя ответ, «задумчиво» потрещал мочку уха.

– «Альфа» – хорошие ребята, Дмитрий Тимофеевич... Это – настоящие профессионалы, верные присяге. Если они получают приказ – выполняют его... Вопрос – в том, кто отдаст им этот приказ?

– То есть, как это «кто»?! Я думаю...

Закончить возмущение маршалу не удалось: Варенников отработал на перехват.

– Вы лично отдадите приказ танкам стрелять по Белому дому, как «демократы» называют здание Дома Советов РСФСР?

Язов забегал глазами по сторонам, но «уже в дороге» был изловлен суровым взглядом Главкома, и принуждён к капитуляции: стыдливо опустил голову.

– Вот именно, – совсем не обрадовался победе Главком. – А Ваши коллеги по ГКЧП не дадут его, тем более: «те ещё», вояки...

Отставив – а больше растратив всё показное и напускное – Язов честно завибрировал конечностями и взглядом.

– Что же делать?!

– Отменить выступление.

– Отменить?!

Дмитрий Тимофеевич почти возмутился.

– Да как я...

– Посмотрите в глаза соратникам? – «наперерез» усмехнулся Варенников. – А как вы будете смотреть в глаза друг другу, когда вас «прислонят к одной стенке»?

Язов проглотил очередной комок в горле – и раздумал возмущаться.

– Вот именно...

Удовлетворившись понятливостью визави, Главком раздумал «лезть в бутылку», которая уже откровенно заждалась его. Но поступаться принципами он не стал. Как следствие, примирительных нот хватило лишь на одну фразу: уже следующая подавалась с избытком металла в голосе и «гранитом» во взгляде.

– Отменить выступление – и немедленно! То есть, отсрочить объявление ЧП хотя бы на три дня – а за это время подготовить план и назначить на его исполнение верных людей!

Услышав «приговор», министр дополнительно пропотел. Теперь капли пота совсем не куртуазно стекали по его лицу: маршалу было не до внешних приличий. Только в отличие от предыдущих упадков духа, на этот раз «забег глазами» Дмитрий Тимофеевич устраивать не стал: не меньше полуминуты его взгляд фиксировался в Н-ской точке, определить координаты которой не представлялось возможным. Наконец, еле слышный голос его прозвучал «из подполья».

– Но есть же Калинин и Самсонов... Их кандидатуры рассмотрены и утверждены...

Вновь не снисходя к начальству, Варенников покачал головой.

– Похоже, Вы меня слушали – но не слышали. Я ведь сказал: «верных людей», Дмитрий Тимофеевич!

– Не понял, – судорожно передёрнул кадыком Язов.

– Всё Вы поняли! – махнул рукой Варенников. – С Калинин и Самсоновым «демократы» уже ведут активную «разъяснительную работу». И я «почему-то» не сомневаюсь в том, что стороны «достигнут консенсуса», как любит говорить «дорогой Михал Сергеич».

– Но как они узнали?!

– Узнали что?

– Ну... что Калинин и Самсонов... ну, фигурируют в наших планах?

Некоторое время Варенников смотрел на министра взглядом, каким врачи закрытых психиатрических клиник смотрят на безнадёжных пациентов. И, только «дойдя» до маршала: тот смутился и покраснел – Валентин Иванович смог усмехнуться.

– Ну, Вы даёте, Дмитрий Тимофеевич! «Как узнали»? Чего тут узнавать: секрет Полишинеля! На кого опираются заговорщики всех стран? Конечно же, на придворные части. То есть, на части, которые расположены в столичных гарнизонах и округах. И «ежу понятно», что командующий, так или иначе, будет вовлечён в события!

– А почему ты их... ну...

Министр не нашёл нужных слов – и закончил фразу взглядом. Получилось неплохо: Варенников нахмурился – и вдруг неожиданно усмехнулся.

– Чему? – растерялся Язов, и даже нырнул взглядом в район гульфика: обычная реакция мужика.

– Да, вспомнил Шолохова, Дмитрий Тимофеевич. Вернее, одного из персонажей его романа «Они сражались за Родину», повара Лисиченко. «Нэ понадиявся я на тэбэ. Подумав, дрогнешь ты у важку хвылину». Перевод не требуется?

– С украинского – «или»? – слабо улыбнулся Язов.

– Рад, что мы поняли друг друга, – тоже слабо улыбнулся Варенников. – Хотя бы в этой части.

– Да, уж...

Маршал протяжно вздохнул – и опустил голову. Текст пошёл уже откуда-то снизу.

– Значит, ты находишь наше положение...

– Безнадёжным!

– И единственный выход: убедить ГКЧП отказаться от выступления?

– Да.

Язов уронил голову между колен, и молчал не меньше минуты. Наконец, он медленно, в три этапа, почти «фиксируясь на отсечках», вернул глаза на лицо Варенникова.

– Хорошо: я подумаю...

Глава девятнадцатая

« – Борис Николаевич, давай обойдёмся без лицемерных заявлений, типа «кто старое помянет – тому глаз вон».

От удивления Ельцин открыл рот: такого скоропалительного «взятия быка за рога» он Горбачёва никак не ожидал. А «Михал Сергеич», не моргнув глазом, продолжил «резать правду-матку».

– Это было бы неправдой. Мы с тобой, Борис Николаевич – антиподы, как любит говорить Раиса Максимовна. Она же как-то и процитировала «в тему» Киплинга: «Запад есть Запад, Восток есть Восток – и вместе им не сойтись». Почему я говорю это тебе? Чтобы мы с тобой не обманывали ни самих себя, ни друг друга.

– Значит, мы – враги? – «спрямил» Борис Николаевич.

– Злейшие! – «мило» улыбнулся Горбачёв. – Но это не мешает нам сойтись во взглядах на общего врага.

– Ты это – о ком?

– О ГКЧП. Только не делай вид, что впервые слышишь!

Борис Николаевич не стал делать вид: о ГКЧП он слышал не впервые. Но иронию, больше похожую на пьяную, минимум, хамоватую ухмылку он, всё же, дал.

– Михаил Сергеевич, тебя беспокоит это сборище политических импотентов?

– Если мы не успеем их обезвредить, – мигом пожелтел лицом Горбачёв, – то станем импотентами сами! И уже – не политически, а в натуре!

– Не преувеличиваешь?

– Преуменьшаю – чтобы тебя «Кондратий не хватил»!

И только после этого Борис Николаевич слегка подался корпусом вперёд.

– Вообще-то, мы принимаем кое-какие меры...

– «Заговор демократов»?! – ухмыльнулся Горбачёв.

Борису Николаевичу всегда было не по себе от этой ухмылки Горбачёва: значит, Миша знает что-то, чего не должен знать! Вот и сейчас он, оказывается, был в курсе планов демократии!

– Только ты учти, Борис Николаевич...

Горбачёв явно растягивал удовольствие... от неудовольствия Ельцина: труп врага всегда приятно пахнет.

– ... Все эти твои «народные дружины» и игрушечные баррикады разнесут «в дым» всего лишь два полка: танковый и воздушно-десантный! А у ГКЧП уже сейчас – пять дивизий!

– Армия не поддержит их! – махнул рукой Ельцин.

– Это тебя она не поддержит! Да, у ГКЧП может не получиться любви с армией. Потому что они не умеют стараться, и не будут! А, вот, тебя, как бы ты ни старался заполучить армию, служивые поставят раком: можешь в этом не сомневаться!

Борис Николаевич не хотел остаться без реплики – но пришлось: Горбачёв одни энергичным взмахом руки «отработал наперерез».

– Знаю, знаю, что ты хочешь сказать: «Армия не любит и Горбачёва»!.. Да, не любит. Но меня она просто не любит – а, вот, тебя ненавидит от всей души! Поэтому ты даже не успеешь «начаться» – как уже кончишься! И хорошо ещё, если где-нибудь под забором – а то ведь они могут и прилюдно, на «лобном месте»!

Горбачёв был «на взводе» – но это был совершенно другой «взвод», не тот, к которому давно привыкли даже те, кто «по ту сторону Кремлёвской стены». Раньше он только болтал без умолку и без мыслей, в духе установки «Мели, Емеля – твоя неделя», чтобы только себя показать во всей, как ему наверняка думалось, красе... отсутствующей в действительности. Он

врал, играл на публику, пыжился, снова врал, играл, пыжился – и никогда не был искренним. Но сейчас он не играл – и Ельцин это сразу почувствовал. Сейчас Горбачёв был на удивление честен – а потому убедителен. И Борис

Николаевич не стал «выдывать щёки»: «из двух зайцев выбирают того, который пожирнее».

– Я слушаю тебя, Михаил Сергеевич.

– Предлагаю действовать сообща! – рванул напролом Горбачёв. – Ещё раз предлагаю: я ведь уже предлагал тебе – но «любви между нами» так и не случилось... Только – без обид, Борис Николаевич...

– Замахнулся – бей!

– Я уже говорил тебе – и готов повторить сто раз: ты не можешь не понимать того, что без меня нет тебя. И это – не «культ личности Горбачёва». Всё дело – в тех силах, на которые мы с тобой можем опереться для удержания власти. То есть – в «трёхглавом Змее»: армия, КГБ, МВД. Ну, сюда можно приплюсовать ещё «запасную голову»: ВПК... Так, вот: здесь между нами есть разница.

– Ты – в большом авторитете у силовиков? – не пожалел иронии Ельцин.

Горбачёв с желчным видом покачал головой.

– Нет, Борис... Николаевич. Врать не стану: чего нет – того нет... Но, если я потерял авторитет у силовиков, то ты его так и не нашёл. А посему они тебя «стопчут» – и даже не заметят! Помнишь, как говорил Сталин: «Советский народ одобрил разгром троцкистско-бухаринской банды – и перешёл к очередным делам».

Борис Николаевич ещё раз художественно сдвинул брови к переносице – никто так не умел – и согласно махнул рукой.

– Что я должен делать? Конкретно?

Зачем-то по-шпионски оглянувшись на двери – в Кремле?! – Горбачёв вплотную придвинулся к Ельцину: ни дать, ни взять – классика: «обнявшись крепче двух друзей».

– Завтра я убываю в отпуск. Убываю в интересном положении... Нет-нет!

Заметив, как сально ухмыльнулся Ельцин, Горбачёв покраснел.

– Ты меня не так понял... Я просто неудачно выразился... Ну, неудачная конструкция... Лучше сказать не «положение» – а «ситуация»... Хотя, «что – в лоб, что – по лбу»!.. Положение – трудное, ситуация – сложная. И уже – не в стране, а у нас с моим окружением. ГКЧП, как ты знаешь, уже который месяц «душит» меня насчёт введения чрезвычайного положения. А в последнее время они особенно активизировались...

Горбачёв замолчал – и Ельцин, то ли воспользовался паузой, то ли не выдержал её.

– Ты что-то придумал?

– Придумал, – кивнул головой Михаил Сергеевич. – Завтра у трапа я намекну им, что вводить чрезвычайное положение, видимо, придётся. Заодно дам ещё один намёк: «за меня на хозяйстве остаётся Янаев». Дескать, с ним и решайте все вопросы.

Лицо Горбачёва растянуло мефистофельской усмешкой.

– Ну, ты же, Борис Николаевич, знаешь этот народ! «Тряпки»! Ещё недели две они будут звонить мне, засылать парламентёров, упрашивать, грозить ультиматумом и самодеятельностью. Разумеется, ничего в эти сроки они не предпримут. А, вот, ты должен предпринять.

Борис Николаевич ещё ближе придвинулся к «соблазнителю».

– Ты должен «обезвредить» «придворные» части к двадцатому августа! Они, конечно, изрядно засорены «красным элементом» – но командиры там вполне продажные! Так что, возможности для творческой работы с ними имеются.

Горбачёв нахмурился.

– Хуже обстоит дело с «Альфой» и «Вымпелом». Если они получают чёткий приказ «сверху» – выполнят его. Твои приказы они выполнять не станут: ты для них – никто, и это

в лучшем случае... Поэтому будет славно, если ты организуешь толпу у здания Верховного Совета России... как вы его называете: «Белого дома». Толпа должна быть организована заранее, и ждать приказа на выступление. Что касается поголовья... Я думаю, тысяч пятнадцать голов для начала будет достаточно.

Неприятно удивлённый «широтой кругозора» президента СССР, Борис Николаевич покачал головой.

– Ты, Михаил Сергеевич, будто из-за плеча у меня выглядывал, когда мы составляли план действий...

– В этом не было необходимости, – усмехнулся Горбачёв. – Меня с планом ознакомил Крючков – а его кто-то из твоего окружения.

– Кстати – насчёт Крючкова...

Борис Николаевич не успел ещё толком нахмуриться – а Горбачёв уже работал на перехват.

– «Имеющий уши да услышит», Борис Николаевич!

Ельцин вздрогнул.

– Да-да, – утвердительно смежил веки Горбачёв. – Меня Крючков ознакомил с вашим планом, тебя – с секретными разведанными, с которыми прежде знакомил только меня. Как говорится: «всё меняется, всё течёт»... Но вернёмся к твоей задаче. После объявления ГКЧП ты должен публично осудить действия заговорщиков и призвать народ к сопротивлению. Этот «народ» должен быть готов, как говорится, «ещё вчера».

– Будет, – утвердительно кивнул головой Ельцин.

– Дальше: ГКЧП начнёт вводить в город танки, которые нужны здесь, «как в бане – лыжи», как пел Высоцкий... Так, вот, Борис Николаевич: под эти танки нужно будет положить пару-тройку хороших ребят. Кандидатов следует подобрать заранее. И не только подобрать – но и расставить их так, чтобы под пулю и танк они угодили без промашки, со стопроцентной гарантией.

Брови Ельцина моментально взлетели вверх – но суровый взгляд Горбачёва уже возвращал их на место.

– Так надо, Борис Николаевич! Чтобы избежать большой крови, надо пролить малую! Обязательно надо! Организуешь хорошую пропаганду, выдавишь слёзы из племса, сам дашь слезу. Публика, естественно, вознегодует, «тряпки» из ГКЧП растеряются – а тут и «верные демократии» генералы дружно перебегут на твою сторону. Победившая демократия тут же отправится вызволять из флоросского заточения законно избранного президента, который героически отверг домогательства изменников – и мы все вместе пляшем на костях ГКЧП! Затем подписываем Союзный договор, я становлюсь президентом ССГ, ты остаёшься президентом России – и все остаются при своих интересах!.. Ну, как тебе – мой план?

– Лихо, – в очередной раз неприятно изумился Ельцин. – Значит, ты только и делаешь, что ничего не делаешь?

– И, тем самым, расчищаю тебе дорогу!..

...Эта последняя встреча с Горбачёвым, что случилась меньше двух недель назад, третьего августа, накануне отбытия «Михал Сергеича» на отдых, вспомнилась Борису Николаевичу как-то, сама собой. Наверно, оттого, что не могла не вспомниться. Удивительно – но Горбачёв сам попросил о встрече. Ельцин тогда быстро обменялся мнениями с «ближним кругом» – и дал согласие. Встречались в Кремле, на территории Горбачёва. Исключительно – в целях конспирации: пока ещё президент СССР мог пригласить к себе главу любой союзной республики. Правда, отныне лишь в таком формате: «пригласить» – а не «вызвать».

Борис Николаевич вздохнул – и от воспоминаний перешёл к мыслям. Он не любил думать, предпочитая словам поступки, но сейчас без мыслей было не обойтись. Ситуация в Москве и стране приближалась к развязке. Ельцин честно веровал в то, что им учтены все

мелочи, в то, что он контролирует всех и вся – и, тем не менее, сомневался. Какой-то противный «червяк» без устали копошился в душе президента. И, мало ли, что ни на горизонте, ни на поверхности не просматривалось даже приятных неожиданностей: «червяку» до этого не было никакого дела. У «червяка», как у сказочного Змея Горыныча, было несколько голов. «Пристяжные» – КПСС и КГБ – разумеется, занимали Бориса Николаевича. Но – в краткосрочной перспективе. А сейчас его больше интересовала «центральная голова», «головная»: Михаил Сергеевич Горбачёв, президент СССР, Генеральный секретарь ЦК КПСС.

Как ни старался Ельцин уверить себя в окончательном решении проблемы этого пока ещё президента – а не мог: трезвые мысли даже в нетрезвой голове не позволяли. Вспоминая детали недавнего разговора, а особенно, его финал, Борис Николаевич и сейчас испытывал двойственные чувства. С одной стороны, Горбачёв открыл карты. (Все или нет – другой вопрос). Изложенный им план, несмотря на чересчур откровенный «плановый отдых» союзного президента, выглядел тщательно продуманным и вполне реализуемым. Да и не мог не понимать Борис Николаевич того, что пока они с Горбачёвым нужны друг другу. Хотя бы – для того, чтобы убрать общего врага: «розово-красных» из окружения президента СССР. Классические «скованные одной цепью».

В очередной раз цель, будто бы, оправдывала средства. Правда, сам Борис Николаевич не ограничивался только этой целью. Он уже заглядывал дальше: в будущее без КПСС, Советской власти и СССР. Одними «розово-красными» его аппетиты уже не ограничивались: под сурдинку российский президент намеревался прижать к ногтю всех «неисправимых» большевиков. «Ничего личного», как сказали бы американские друзья: пока оставалось «осиное гнездо большевизма» в виде ЦК и самой КПСС, Борис Николаевич не мог не чувствовать «ножа у горла».

В этом вопросе, даже не сговариваясь, Ельцин с Горбачёвым совпадали, если и не идеально, то по большинству параметров. Но была и другая сторона. И не потому, что таковы законы диалектики, к которой Борис Николаевич, как человек простой и «не философический», не имел никакого отношения. «А всё ли ты мне сказал, мил человек?» – так и вертелось на языке у Ельцина. Вертелось ещё тогда, третьего августа – и не перестало вертеться две недели спустя.

Первый момент, вызывавший сомнение в полной искренности Горбачёва, заключался в противоречивости его оценок ГКЧП: то он издевался над «импотенцией» членов Комитета, то де-факто страдал Ельцина ресурсами ГКЧП, каких не было и не могло быть у демократов. Получается, Горбачёв сам не был уверен в своих оценках потенциала и перспектив «заговорщиков». Отсюда с неизбежностью следовал вывод о том, что Горбачёв не исключал никакого исхода событий. То есть, он вполне допускал возможность победы ГКЧП.

«Что это даёт Горбачёву?» – нервно рассуждал (невероятно – но так!) Борис Николаевич. – «Во-первых, он может „успеть в последний вагон“: возглавить фактически уже победивший ГКЧП. Во-вторых, „на законных основаниях“ он сможет объявить о „раскрытии заговора демократов“ с целью свержения законно избранного президента и развала СССР». Это позволит ему на законодательном уровне ликвидировать Съезд и Верховный Совет... ну, может, не сразу ликвидировать: приостановить деятельность...»

Но – сразу обоих: и союзного, и российского. А уже это позволит ему произвести многочисленные аресты «демократических заговорщиков» и разгромить власти независимой России. И на этот раз он сможет выполнить своё обещание не пускать меня больше в политику. В лучшем случае, меня определят в «Лефортово», а в худшем я «покончу жизнь самоубийством».

Дрожащей рукой Ельцин смахнул пот со лба. Руки дрожали не только от мыслей, но и «после вчерашнего»: «обмывали» «вновь утверждённый план». Он украдкой покосился в направлении сейфа с заветной «ликёро-водочной» запиской. Только официальный характер

встречи удерживал его о того, чтобы «не приобщиться к рюмашке»: сам ведь пригласил народ на «окончательную увязку и утряску».

«Так, это – если победит ГКЧП... Конечно, Горбачёву придётся некоторое время притворяться союзником победителей и считаться с их мнением. Но мне до этого уже не будет дела. Потому что меня уже не будет: не „в списках живущих“ – так „в списках действующих“... А, если ГКЧП проиграет... Ну, тут Мишка, пожалуй, меня не обманывает: все останутся при своих интересах. С небольшим уточнением: при минимуме интересов. Ведь Горбачёву по максимуму нужно всё – и всё сразу: ГКЧП, я, Союзный договор, кресло президента ССГ. Мне – по максимуму – тоже нужно всё: ГКЧП, Горбачёв, КПСС, СССР».

Борис Николаевич скрипнул зубами – явно не от избытка мажорных чувств.

«Увы, приходится считаться с реалиями. Как это говорил Тихонов в фильме «Доживём до понедельника»: «Не вольны мы в самих себе...». Всего, тем более, сразу даже в сказках не бывает. Придётся брать не то, что хочешь – а то, что дают. Вернее – то, что можно взять. Эх, глаза завидующие, руки загребущие!»...

...Ельцин покосился на застывших в холуйской готовности Силаева и Кобеца. Несмотря на «сидячее положение», оба подобрались ещё больше.

– Кобец!

Пятидесятидвулетний генерал с ловкостью заправского холуя вскочил на ноги.

– Сиди! – царственным жестом приземляя ловкача, великодушно поморщился Борис Николаевич: приятно, всё же, что подчинённые «блюдут устав». – Но докладывай, как в строю!

– Слушаюсь, Борис Николаевич! – верноподданно осклабился Кобец.

– Разрешите опустить ту работу по плану, о выполнении которой я уже докладывал Вам как Верховному Главнокомандующему?

Кобец, разумеется, знал, что, даже будучи президентом России, Ельцин не был Верховным Главнокомандующим – по причине отсутствия у него собственного войска. Но ловкий царедворец знал так же и то, что кашу маслом не испортишь. Особенно – ту «кашу», что подаётся «к столу» Бориса Николаевича.

И он не ошибся: Ельцин, ни дня не служивший в армии, всего лишь полковник запаса благодаря должности первого секретаря обкома, самодовольно осклабился.

– Да, можешь это опустить.

– Слушаюсь, Борис Николаевич. Тогда – по нашей работе в частях, которыми ГКЧП собирается обеспечивать режим чрезвычайного положения. «Красные» рассчитывают на следующие части: «Альфа», дивизия имени Дзержинского, Тульская дивизия ВДВ, Таманская мотострелковая и Кантемировская танковая.

Кобец сделал выразительную паузу – специально под ожидаемое удивление президента – но удивления не последовало: Ельцин слышал эту «новость» ещё две недели назад от Горбачёва. Сегодняшнее подтверждение информации лишь укрепляло его уверенность в том, что он был прав, «заключив» с Горбачёвым вынужденную, но жизненно необходимую сделку.

– Пять штук, говоришь? – «ещё раз не удивился» Ельцин. – Но я полагаю, что не всю эту... как её?

– Штатную численность, Борис Николаевич.

– ... не всю штатную численность они собираются двигать на Москву?

– Никак нет, Борис Николаевич.

Кобец нырнул глазами в «шпаргалку».

– По нашим данным, в Москву готовится ввод около четырёх тысяч военнослужащих, до четырёхсот танков и столько же бронетранспортёров и БМП. Дополнительные части ВДВ уже переброшены в окрестности Ленинграда, Таллина, Тбилиси и Риги.

– Сколько всего?

– До трёх дивизий. Это – сверх мотострелковых и танковых подразделений соответственно Ленинградского, Прибалтийского и Закавказского военных округов.

Дрогнувшая... вернее, привычно дрожащая рука Ельцина медленно проехала по плохо выбритой обрюзглой щеке. Рука дрожала не от страха: как ни удивительно, нехорошие мысли бодрили его – а он сейчас очень нуждался в допинге.

– Сведения – точные, Кобец?

– От верных людей, Борис Николаевич, – подобрался генерал.

– Кто?

– Генерал-лейтенант Грачёв и «наш человек в Гаване».

– А?!

Начавшая отвисать челюсть Ельцина ещё не достигла «пункта назначения» – а лицо генерала уже покрылось мелкими бисеринками пота: понял Кобец, что нельзя так с Борисом Николаевичем. Нечего демонстрировать учёность в неподобающих местах: могут не оценить – или «оценить в обратную сторону». Борис Николаевич не обязан, «понимаш», читать «всякого, там, Грэма Грина»!

– Это – название шпионской книжки, Борис Николаевич.

На этом раз Кобец поступил умнее: «на всякий пожарный случай» избежал употребления слова «роман». Наверняка, вспомнил Хаусхофера – пусть и не по фамилии: «Когда я слышу слово „культура“, моя рука сама тянется к спусковому крючку револьвера». В этом отношении Борис Николаевич недалёко ушёл от идеолога фашизма. То есть, был таким же «принципиально недалёким». Для такого «книжка» – всегда удобоваримей «романа».

– Хорошая книжка? – подозрительно сдвинул брови Ельцин.

– Весёлая, про шпионов! – просиял максимально счастливой улыбкой Кобец. Сработало: морщины на лице президента разгладились.

– То есть, «наш человек в Гаване» – это наш человек в ГКЧП?

– Вы... как всегда, Борис Николаевич!

Провожаемый донельзя счастливой улыбкой генерала, Ельцин... нет, не наморщил лоб от избытка мыслей: всего лишь в очередной раз съехал взглядом в сторону сейфа. Вернее: не съехал – а его снесло. Судя по минорным физиономиям, президентские столовники наверняка уже изготовились к «чаепитию» – но тут случилось чудо. Тот, кто длительное время страдал дефицитом «политического мужества», о чём так прямо и заявил на двадцать седьмом съезде партии, на этот раз устоял против искушения, героически воздержался и превозмог себя. Правда, это наверняка обошлось ему в пару лишних морщин – а то и отметин на сердце.

– Ну, этим ребятам можно верить... Особенно – Грачёву: добрый мальчик...

Судя по ясно выраженному предпочтению, второму источнику – «нашему человеку в Гаване» – Борис Николаевич доверял несколько меньше, даже несмотря «на разность потенциалов»: один – всего лишь генерал-лейтенант, другой – член ГКЧП. А ведь последний буквально вчера отчитывался перед российским президентом в проделанной работе.

Отчитывался по телефону и не совсем по форме, но де-факто это был отчёт: что сделано, что не сделано, и что должно быть сделано. У этого человека была огромная власть, огромные ресурсы... и такие же аппетиты. Он сам предложил сотрудничество – хотя движение навстречу было обоюдным. Помогло и участие Горбачёва: пытаясь усыпить бдительность врага – а ещё больше под давлением обстоятельств – Михаил Сергеевич распорядился знакомить Ельцина, только что избранного российским президентом, со всем перечнем документов, с которым прежде знакомили только его.

И будущий «наш человек» не пошёл на принцип – зато пошёл гораздо дальше того, на что готов был согласиться президент СССР: начал знакомить его российского коллегу «сверх плана», как по срокам, так и по объёмам. Разумеется, это не могло не подвинуть Бориса Николаевича навстречу такому «хорошему человеку». А как иначе: вовремя предать – не предать,

а предвидеть! Тем более что Борис Николаевич этого человека знал давно, и верно оценивал потенциал товарища. Человек был не только полезным, но и нужным. «Мы от него ещё много добра могли бы поиметь» – как сказал бы один киношный персонаж, пусть и по другому адресу.

Как и всякий нормальный вождь, Ельцин ценил людей лишь до поры, до времени: пока не начинал понимать, что использовал их «на все сто», а дальнейшее сотрудничество превращается в обузу. Поэтому с людьми он расставался легко и просто, не тратясь даже на то, чтобы игнорировать обиды и претензии. Расставание происходило в рабочем порядке, без сожалений, выяснения отношений – а потому, чаще всего, заочно. Отставник получал «уведомление о расчёте» «по почте» – на том «любов» и кончалась.

Такая же судьба ожидала и члена ГКЧП. И это – в лучшем случае. При крайней необходимости Борис Николаевич мог пожертвовать не только этим человеком, но и любым иным, досрочно. Но сейчас «наш человек в Гаване» был нужен Ельцину. Именно потому, что – «наш человек в Гаване». В стане политического врага он был много больше, чем просто глазами и ушами «демократии»: он был единственным организующим началом в ГКЧП – этом сборище трусливых и слабовольных болтунов. Он не только информировал Ельцина о каждом шаге ГКЧП: он ещё и проводил в жизнь инструкции «демократического штаба». Де-юре возглавляемый никчёмным Янаевым, де-факто Комитет находился в руках «нашего человека».

Но, как известно, у всякой медали – две стороны. Это сотрудничество не стало исключением: оно было, хоть и выгодным, но далеко не безвозмездным. Ельцин вынужден был обещать «нашему человеку» полный иммунитет от судебного преследования в соответствии с тем сценарием, который тот разработал для своей реабилитации. Человек оставлял пост – а человека оставляли в покое. Это, конечно же, снижало эффект от запланированных Ельциным разоблачений, судов и реформаций.

И всё же, плюсы заметно перевешивали минусы. Сейчас, накануне решающей схватки за власть, «рядовой» член ГКЧП был для Ельцина куда полезнее всех маршалов, вместе взятых. Выгода для российского президента и «интересов демократии» была столь очевидной, что не подвергалась сомнению даже отпетыми демократами из окружения российского президента.

Так, вчера «наш человек» бальзамом пролился на израненную душу Бориса Николаевича сообщением о том, как мастерски он сумел преодолеть сопротивление коллег по ГКЧП. Те вздумали противиться вводу в Москву бронетехники, прежде всего, танков! А ведь танки были одним из ключевых звеньев в совместном плане двух президентов! Без этого элемента пришлось бы пожертвовать не только моральным фактором, но и «мучениками большевизма», баррикадами, «ежами» и прочей бутафорией. ГКЧП танки в Москве не были нужны – зато как они были нужны демократии! Кровь из носу, нужны! А лучше – кровь из жизненно важных органов! И «наш человек в Гаване» в очередной раз «спас демократию»: продавил танки!

Мысленно продолжая тему «обратной стороны медали», Борис Николаевич в очередной раз соглашался с собой в том, что не доверял этому человеку... даже будучи вынужден доверять ему. Увы, не требовалось быть чекистом для того, чтобы понять: товарищ работает на два фронта.

А с учётом ГКЧП, где он также проявлял служебную и внеслужебную активность – даже на три! Разумеется, в двусторонних отношениях этот момент был классической «фигурой умолчания», но лишь такого плана: «я знаю, что ты знаешь, что я знаю». Тот факт, что Горбачёв был в курсе не только дел ГКЧП, но и планов демократии, Борис Николаевич целиком относил на счёт «нашего человека». Этот гэкачепист не собирался уповать только на одного хозяина: большой жизненный опыт не позволял ему такого легкомыслия. Поэтому он был готов к любому из трёх исходов – и любой встретил бы в качестве одного из «героев незримого фронта».

«Скромный член ГКЧП», как хотя бы не дурак, обязан был ставить одновременно на нескольких «лошадях». Здесь главным был вопрос, на кого сделана самая большая ставка.

«Наш человек» должен был её сделать: для иных предположений он был слишком умён и потёрт номенклатурной жизнью. Отрабатывая и «и вашим, и нашим», он должен был определиться с приоритетами: считать и просчитывать этот человек умел. Он наверняка давно уже разобрался с расстановкой сил на политической доске Кремля.

И наверняка он был в курсе совместного плана двух президентов. Об этом свидетельствовал и характер информации, явно выборочной, умело сгруппированной и целенаправленной, и отдельные фразы, как бы случайно оброненные информатором в разговорах с Ельциным.

Продираясь сквозь путанные мысли, Борис Николаевич пришёл к отчасти утешительному выводу: «двойной агент» больше склонялся в его сторону. Он не только отдавал предпочтение указаниям Ельцина «по дезорганизации тыла противника», но и проявлял в этом деле чудеса изобретательности. Уже одно это свидетельствовало о том, что планам Горбачёва, даже согласованным с Ельциным, он предпочитал более «тверёзые» планы «нетверёзого» российского президента. Значит, Горбачёвым и даже ГКЧП он только страховался – но работал на Ельцина! Любой, только ещё намечающийся тактический успех Ельцина, он старался превратить в победу стратегического характера – правда, всегда оставляя себе лазейку «на другую сторону».

Подведя баланс «плюсов» и «минусов», Борис Николаевич решил повременить со списанием информатора со счетов. Ведь, даже если их планам с Горбачёвым – не говоря уже о его сольных планах – не суждено было сбыться, на период «междуправления» «наш человек» в Гаване оказался бы весьма полезен. Он стал бы «засланным казачком» в «штабе» Горбачёва. Разумеется, Михаил Сергеевич это «просёк» сразу, отчего ещё три недели тому назад предложил убрать «ненадёжного человека». Но у Бориса Николаевича уже были свои виды на товарища – и он предложил отложить принятие решения. Михаил Сергеевич, хоть и скрипнул зубами – но вынужден был согласиться...

– Кстати – насчёт генералов...

Борис Николаевич вышел из раздумий так же скоропостижно, как и вошёл в них. Разумеется, Кобец тут же принял стойку «Смирно!» – и даже сидячее положение не стало препятствием. Под руками генерала зашуршали листы бумаги.

– Разрешите доложить, Борис Николаевич?

– Докладывай!

– Значительная часть высшего генералитета...

– Говори по-русски! – недовольно поморщился Ельцин. – «Значительная часть»! Что это значит?

– Виноват, – покраснел Кобец: забыл, что не следует забываться. Ведь даже для своих у Бориса Николаевича под рукой всегда были не только «пряники». – Не поддержат ГКЧП Главком авиации генерал-полковник Шапошников, Главком РВСН генерал армии Максимов, и с большой долей вероятности – Главком ВМФ адмирал флота Чернавин.

– Это – хорошо, – потеплел голосом Ельцин, и тут же «обратился в вождя». – Полагаю, что всё это – не голые домыслы?

– Никак нет, Борис Николаевич!

Кобец не по уставу обложился руками.

– Все люди прозондировали и отработаны! Так, что – никаких фантазий!

– Продолжай, – частично подобрел Ельцин. – Только «спустись с высот». Меня больше интересуют люди, которые примут непосредственное участие в событиях.

– Слушаюсь, – больше, чем требовалось уставом, прогнулся Кобец. – Итак, Грачёв – наш однозначно...

Кобец вопросительно посмотрел на Ельцина – но тот лишь молча кивнул головой: «продолжай».

– Его заместитель генерал-майор Лебедь... Мы с ним провели определённую работу, Борис Николаевич...

– Точнее!

– Мужик он – с претензиями, хотя и по службе, и «по жизни» – типичный солдафон. Но – не дурак: сразу понял, что к чему. Поэтому, если он и введёт десантников в Москву – то лишь для того, чтобы «дезорганизовать тылы» ГКЧП и ввести их в заблуждение. Стрелять в демократию он не будет. Конечно, попытается корчить из себя миротворца – но стрелять не будет. Это точно.

– Принято, – «утвердил» президент. – Дальше!

– Из ключевых фигур остались две, Борис Николаевич: командующий Московским округом генерал-полковник Калинин, и командующий Ленинградским округом генерал-полковник Самсонов.

– ??? – «запросил» Ельцин.

Кобец тут же выдернул из папки лист бумаги, и с готовностью протянул его президенту.

– Своими словами! – поморщился Борис Николаевич

– Слушаюсь.

Бумага вернулась в папку: этот текст докладчик обязан был знать наизусть.

– Итак: Калинин Николай Васильевич. Тридцать седьмого года рождения. В Советской Армии – с пятьдесят пятого года. Окончил Ленинградское высшее общекорпусное училище, Академию Фрунзе. Академию Генштаба. Прошёл от командира взвода до командующего войсками округа. Был первым замом в Прикарпатском ВО, в ГСВГ, командовал Сибирским округом. С января восьмидесят девятого – командующим Московским ВО. Генерал-полковник.

– Политические убеждения? – озабоченно нахмурился Ельцин.

Лицо генерала растянуло неуставной усмешкой.

– Только не говори, что армия – вне политики! – «отработал наперехват» Ельцин.

– Не скажу, Борис Николаевич! Но и за политические убеждения Калинина тоже ничего не скажу. Потому что таковых нет в природе! Да и как бы он с политическими убеждениями оказался в Москве?! Так что, всех «политических убеждений» у него – «два „у“: угадать и угождать»!

Ельцин – впервые за время контакта – легко, от души рассмеялся.

– Хорошо определил, Костя! Молодец! А – Самсонов?

Воодушевлённый похвалой вождя, Кобец ещё раз осклабился.

– Из того же теста и от того же корыта, Борис Николаевич!.. Самсонов Виктор Николаевич, сорок первого года рождения. Училище окончил в Благовещенске. Тоже – две академии. Начинать в морской пехоте, где дослужился до командира роты. Потом – в мотострелковых и танковых частях. Имеет большой опыт штабной работы: от полка – до округа.

– Значит, не дурак, – одобрительно усмехнулся Ельцин.

– Совершенно верно, Борис Николаевич: себе на уме. До Ленинграда, до девяностого года, опыта командования округами не имел. Зато имеет опыт специфического характера: был военным комендантом Еревана и пытался урегулировать конфликт из-за Нагорного Карабаха.

– Ещё и дипломат!

– Именно поэтому, Борис Николаевич, он и не будет суетиться не по уму. Хотя, как нам стало известно, ГКЧП планирует назначить его военным комендантом Ленинграда, чтобы он ввёл чрезвычайное положение в городе и окрестностях.

– Твои прогнозы?

Кобец уверенно покачал головой.

– На словах, может, он и подчинится ГКЧП. Даже, может, издаст распоряжение о введении ЧП. Но де-факто будет держать нейтралитет. Войска в город он вводить не станет, разго-

нять митинги – тоже. Максимум: усилит охрану военных объектов – но это ведь не преступление.

– Это – хорошо, – одобрительно блеснул линиялыми глазами Ельцин. – Но как быть с «Альфой»? Насколько я знаю, её одной хватит для того, чтобы разогнать всё наше ополчение. Или я ошибаюсь?

Под требовательным взглядом «Верховного Главнокомандующего» Кобец осел плечами – так, словно разом сдулся.

– Нет, Борис Николаевич: не ошибаетесь. «Альфа» – это действительно серьёзно... Поэтому мы и подошли к решению её проблемы тоже серьёзно и ответственно.

– Понимаю, – одобрительно хмыкнул Ельцин. – Сам себя не похвалишь – от других не дождёшься.

Кобец оперативно покраснел.

– Честное слово, Борис Николаевич: вопрос проработан и отработан!

– Каким образом?

– Наш Председатель КГБ... ну, российский...

– Иваненко?

– Да... Так, вот: Иваненко уже имел беседу с командиром «Альфы» генералом Карпухиным. В ходе этой беседы он дружески посоветовал Карпухину не вмешивать «Альфу» в политику. Точнее: не дать себя втянуть.

– И что – Карпухин? – оживился Борис Николаевич.

– Обещал подумать.

Ельцин облегчённо выдохнул – и по-медвежьи тяжело отвалился на спинку кресла.

– Ну, это – другое дело! Хвалю, Костя: хорошая работа! И какой вывод ты делаешь с учётом всей полноты информации?

– ГКЧП не имеет полного контроля даже над своими силами, Борис Николаевич.

– «Без б»?

– «Отвечаю»! – «в унисон» осклабился генерал.

– Значит, «добъём фашистского зверя в его логове»?

– Добъём, Борис Николаевич!

– Ну, дай Бог...

Взгляд Ельцина уже переключился на Силаева.

– Иван, как у нас обстоит с информацией по Павлову?

Российский премьер, заскучавший, было, без хозяйского внимания, встрепенулся.

– Всё – под контролем, Борис Николаевич. Мы знаем всё, что делается в Кабмине и по его линии в ГКЧП. Там – наш человек.

– «Наш человек в Гаване»? – ухмыльнулся Ельцин, косясь почему-то не на Силаева, а на Кобца.

– Ну, разве, что: «наш человек в Гаване» -бис, – ухмыльнулся премьер: немножко можно. – Я имею в виду Щербакова, заместителя Павлова. Он уже сейчас блокирует все «неправильные» инициативы Павлова. А в случае форс-мажорных обстоятельств он и вовсе, как говорят баскетболисты, «наглухо закроет» премьера. Его подстрахует Воронцов – ещё один наш министр в кабинете Павлова. Я проинструктировал обоих насчёт форс-мажорных обстоятельств.

– «Форс-мажорных обстоятельств»! – недовольно поморщился Ельцин. – Как же вы любите эту иностранщину! Неужели трудно сказать по-русски: «в случае непредвиденных обстоятельств»?! Чем засорять язык, уж, лучше просто сказать: «в случае какой закавыки»!

Силаев «дружно» опустил голову: знал, что в такие минуты Борису Николаевичу лучше «не попадаться на глаза».

– И, потом: кроме Щербакова, у Павлова есть и другие заместители. И вряд ли все они – «наш человек в Гаване» -бис... Например, этот... как его... Догужиев.

«Забыв устав», Силаев пренебрежительно махнул рукой.

– Этот будет «помалкивать в тряпочку» до самого конца, Борис Николаевич! Голову даю на отсечение: не то, что его политической позиции – мы и самого его не увидим и не услышим!

– Да?

Отходя душой, Борис Николаевич для порядка всё ещё угрожающе маневрировал бровями.

– Голову даю на отсечение! – стукнул себя в грудь Силаев.

– Ладно: наврёшь – отсеку! – «не совсем пошутил» Ельцин. – Но, в целом, Кабинет министров ведь поддержит ГКЧП?

– Ну, и чёрт с ним! – ухмыльнулся Силаев. – Слова – они и есть слова! Уверю Вас, Борис Николаевич: дела за ними не последует. Они все – «политические импотенты», подстать своему премьеру! Все будут терпеливо ждать «указания сверху»: от Горбачёва.

– Ну, хорошо...

Ельцин тяжело поднялся на ноги. Вскочили и оба «столовника».

– Реког... реконос... как это, Костя?

– Рекогносцировка, Борис Николаевич.

– Да: рекогносцировкой на местности я удовлетворён. Мы готовы – если только вы не обманываете меня.

– Что Вы, Борис Николаевич! – «в унисон» побледнели визитёры.

– Тогда будем ждать первого хода ГКЧП!

Тяжёлая ладонь Ельцина с грохотом опустилась на дубовую столешницу.

– Ждать – и готовиться...

Глава двадцатая

Глава «Организации» ещё раз пробежался глазами по разложенным на столе донесениям служб – и нажал потайную кнопку, вмонтированную снизу в тяжёлую дубовую столешницу. Секретарь появился бесшумно и незаметно, словно бесплотным духом просочившись сквозь двери. При виде человека, почтительно склонившего тут же после «материализации», Председатель Совета добродушно усмехнулся: от большинства масонских привычек он сумел отучить секретаря – но одна, всё же, осталась.

Секретарю очень нравилось являться перед лицом начальства, как чёрт из табакерки, чтобы походить, если не на члена масонской ложи, то хотя бы на секретаря Святейшей Инквизиции. Сначала Председатель иронизировал – но вскоре привык: дело своё секретарь знал отменно, лучшего помощника нечего было и желать, а небольшая склонность «к театру», в конце концов, даже стала нравиться Председателю. В этом самоуничижении было что-то ласкающее душу начальства.

А самоуничижаться молодой секретарь умел, как никто другой: тонко, изысканно, благородно и даже «по-нашему: по-масонски».

– Где сейчас начальник разведки и зам по обороне?

– Только что вернулись с рекогносцировки, товарищ Председатель, – ещё раз отметил поклон секретарь. – Оба – у себя в кабинетах: готовят отчёты.

– Пригласи их. И пусть захватят с собой всё, что сделали.

– Слушаюсь.

Секретарь «исчез» так же мастерски, как и появился. Спустя три минуты он уже пропускал вперёд себя приглашённых товарищей. На этот раз «театра» не было: секретарь «всего лишь» распахнул дверь – и отступил на шаг в сторону. Докладывать о «приводе» в «Организации» было не принято: это не считалось «выполнением спецзадания».

Приглашённые также не стали тянуться во фрунт у порога. Вместо этого оба молча проследовали к столу, за который также молча и уселись. Это тоже было одним из неписанных правил «Организации»: если тебя вызвали – значит, вызвали, и нечего тут «запрашивать подтверждения» и «демонстрировать строевую подготовку».

– Как съездили? – без предисловий начал Председатель. Острый взгляд умных серых глаз скользнул по лицам. – Ну, кто первым «хочет к доске»?

– Разрешите?

«Доброволец» – начальник разведки, известный в «Организации» как «Чекист» – не стал вскакивать на ноги или хотя бы тянуть руку вверх на манер школьника на уроке: всё, что нужно, сказал его взгляд, такой же открытый и прямой, как и у Председателя.

– Прошу.

Разведчик открыл принесённую с собой папку.

– Я, правда, не всё ещё перенёс на бумагу, товарищ Председатель...

– Ничего, ничего: можешь импровизировать, – улыбнулся Председатель. Эта улыбка как-то сразу создала нужное настроение, минимизировав ненужное. Она не то, чтобы раскрепостила и без того не закрепощённого докладчика – но уровень обязательного «на высочайшем приёме» психологического «напряга» заметно снизила. Это можно было понять даже по «неуставному запеву» «Разведчика», с которого он начал отчёт о проделанной работе.

– Тогда – «о расстановке сил на поле», как говорят футболисты, товарищ Председатель. Итак: Горбачёв. Никаких контактов за период с четвёртого по семнадцатое августа он ни с кем не имел. Телефонные звонки были – но к ГКЧП не имел отношения ни один. Так, с Ельциным и Назарбаевым он говорил о предстоящем двадцатого августа подписании Союзного договора. С Гуренко, первым секретарём ЦК Компартии Украины...

Разведчик усмехнулся.

– ... почему-то – о «неважнецком здоровье», как он сам выразился.

– Ну, почему «почему-то», – тоже не остался без усмешки Председатель. – Это, как раз, понятно: «Михал Сергеич» заранее готовит алиби... Ты сказал: «никаких контактов». А как же – встреча с членами ГКЧП?

– Она состоялась восемнадцатого, товарищ Председатель. Сегодня.

– Виноват... И что известно о её содержании?

Лицо разведчика дёрнуло иронической усмешкой.

– Известно всё – но, всё равно, что ничего, товарищ Председатель.

– Горбачёв был в своём репертуаре?

– Так точно. Всё – как в песне: «И не то, чтобы «да» – и не то, чтобы «нет». Можно сказать, Горбачёв окончательно «кинул» ГКЧП – прошу прощения за уличный термин.

«Удовлетворяя прошение», глава «Организации» молча кивнул головой. «Реабилитированный», шеф разведки тут же «распрямил» взгляд.

– Всё это происходило на фоне абсолютной беспомощности ГКЧП, товарищ Председатель. «Народ» был жалок и подавлен. Из всех членов делегации только Варенников не дрогнул перед Горбачёвым, и даже пару раз «резанул правду-матку» в глаза «дорогому Михал Сергеичу».

– Варенников?! – удивлённо двинул бровью Председатель. – Как он там оказался?!

– Стараниями Язова, товарищ Председатель. Маршал сам не рискнул отправляться «в логово врага» – и хотел заслать вместо себя генерала Ачалова. Но, вспомнив, что для прямолинейного генерала не существует авторитетов и «Михал Сергеич» вполне может стать очередным «не авторитетом», Язов передумал – и упросил Варенникова.

Разведчик уважительно выдул губы и подобрел взглядом.

– Выбор – отменный. Варенников – имя в военной среде: заслуженный фронтовик, «звезда» Генерального штаба, авторитет в Сухопутных войсках. А ещё, несмотря на бесспорную решительность и принципиальность, он – настоящий дипломат в мундире.

Только что «работавшие на уважение», губы «Разведчика» искривились в усмешке.

– Но в этот раз министр ошибся: Варенников недолго терпел словоблудие Горбачёва

– Запись встречи имеется?

Разведчик тут же выдернул из папки тонкую подшивку качественной финской бумаги, и протянул её Председателю. Тот быстро пробежался глазами по тексту – и «вернулся на лицо» контрагента.

– Достойное поведение... Но у меня есть вопрос: в какой мере Варенников – наш человек?

Разведчик не стал ни картинно задумываться, ни дипломатично откашливаться в кулак: вопрос явно не застал его врасплох.

– Варенников – честный, грамотный советский генерал, товарищ Председатель. Но на прямой разговор с ним наши люди ещё не выходили. Так, что пока мы используем его принципиальность «втёмную». Хотя генерал явно догадывается о том, что он – не «один в поле воин».

– Это – хорошо, – одобрительно кивнул головой Председатель. – Хорошо, что он случайно затесался в компанию ГКЧП. Ведь наши планы насчёт этих «деятелей» не изменились?!

– Никак нет, товарищ Председатель: «каждому – по трудам его».

– Вот и доложи о том, что там они «натрудили», – усмехнулся Председатель. – О Горбачёве, как я полагаю – всё?

– Почти, товарищ Председатель.

«Разведчик» опять не воспользовался лежащей перед ним «шпаргалкой».

– К тому, что вся его деятельность сводится к ничегонеделанию, то есть, к ожиданию информации из Москвы, можно добавить лишь то, что на настоящее время им – «посредством» Черныева – написано около тридцати страниц обычной горбачёвской демагогии, в которой он рассуждает об угрозе переворота и угрозах демократии.

– Ещё одна страховка?

– Другого объяснения нет.

– С текстом ознакомились выборочно? – лукаво приподнял бровь Председатель.

Чекист усмехнулся.

– Целиком. «Михал Сергеич» очень любит перечитывать вслух «свои труды». Причём, раздувает его не столько авторским тщеславием, сколько восторгом от масштабности своей персоны.

Секунд пять докладчик и Председателя «смеялись в рамках дозволенного»: молча кривили щеками. Первым, как и «положено уставом», «вернулся к лицу» Председатель.

– Ладно, хватит о нём. Что – по ГКЧП?

– Товарищ Председатель, сегодня уже можно сделать окончательный вывод о полной неготовности ГКЧП к захвату власти... или к восстановлению законности – кому как больше нравится... Ни одна из частей, намеченных к вводу в Москву, не контролируется людьми ГКЧП. Больше того: мы имеет основания утверждать то, что в решающий момент не только ни один танк: ни один карабин не выстрелит по приказу Кремля.

– А по приказу Ельцина?

Лицо докладчика немедленно «покрылось налётом» иронии.

– Об этом, если позволите, товарищ Председатель – чуть позже... Дальше: в распоряжении ГКЧП нет ни одного верного командира. Даже Карпухин – командир «Альфы» – и тот не рвётся «участвовать в братоубийственной войне». ВДВ без приказа Грачёва и Лебеда работать не станут – а приказа не будет: оба генерала – на стороне Ельцина. К «показателям боеготовности» ГКЧП надо обязательно добавить ещё два фактора: отсутствие плана и наличие Крючкова.

Брови Председателя моментально взлетели вверх.

– Ах, всё-таки...

– Да, товарищ Председатель. Вчера нами перехвачен телефонный разговор Крючкова с Ельциным. Текст был коротким, но показательным: Крючков напросился на randevu с Борисом Николаевичем.

– Содержание известно?

– Нет, товарищ Председатель, – виновато отвёл глаза докладчик, словно это лично он «допустил упущение». – Но после встречи с Ельциным Крючков дважды приглашал к себе Грачёва. Оба разговора нами записаны. Хотя, даже если бы у нас не было записи, показателен сам факт встречи Крючкова с Ельциным накануне объявления чрезвычайного положения.

– Согласен, – без эмоций кивнул головой Председатель. – А о чём Крючков говорил с Грачёвым?

«Отступая от устава», чекист пренебрежительно покривил щекой.

– В основном – «конспирация» из беспомощных заданий по реализации отсутствующего плана... Но один любопытный момент, всё же, был: Крючков предложил Грачёву заменить генералов Золотова и Головнёва.

– Не Калинина – а Золотова и Головнёва?!

Бровь Председателя выразительно изогнулась.

– Вот именно, товарищ Председатель: не командующего округом – а начальника штаба и заместителя! Вывод напрашивается сам собой: Калинин не рассматривается ни Крючковым, ни Ельциным в качестве угрозы «демократии».

– Мда-а...

Больше с иронией, чем с изумлением в глазах, Председатель медленно покачал головой.
– Других интересных моментов не было?

Разведчик задумываться не стал – и вместо этого быстро отыскал в папке нужную бумагу. На то, чтобы просканировать её глазами, ему потребовалось не больше десяти секунд.

– Вот, товарищ Председатель! Крючков просит Грачёва не откровенничать с генералом Агеевым, с которым они – в одной «межведомственной группе по составлению плана действий».

– Показательно, – согласился Председатель.

– И ещё: Крючков предложил Грачёву предложить Калинин. . . извините за громоздкую конструкцию, товарищ Председатель. . . ввести в Москву две дивизии: мотострелковую и воздушно-десантную. Танковые части – это, само собой. Цель. . .

– Спровоцировать конфликт с населением.

– Так точно, товарищ Председатель: другой и не усматривается. Нам стал известен и ещё один любопытный момент: Грачёв с Калинин договорились о том, что скорость движения танков при вхождении в город и непосредственно в городе не должна превышать пяти километров!

– На параде и то идут быстрее, – хмыкнул Председатель.

– Вот именно! А тут ещё всем экипажам приказано останавливаться на светофорах и строго соблюдать ПДД! Комедия, товарищ Председатель! И ведь так и будет! Это – не шуточки!

Разведчик перестал улыбаться.

– Факт тесного сотрудничества Крюčkова с Ельциным подтверждается и перехваченным телефонным разговором Грачёва, в котором тот, докладывая Ельцину, хвалит Крюčkова за решение вопроса о вводе танков в Москву. Ельцин «в ответном слове» подтвердил факт, но на свой лад: мол, это я ему приказал – а он, молодец, выполнил. Кстати, Крючков получил – через Грачёва – задание Ельцина спровоцировать Язова на введение в Москве комендантского часа.

– Почему «спровоцировать»?

– Разрешите? – приподнял руку с зажатым в ней карандашом зам по обороне, известный в «Организации» под псевдонимом «Армеец».

– Да?

– Потому что, товарищ Председатель, это – невыполнимо. Для обеспечения комендантского часа в Москве требуется не меньше пяти дивизий и двух недель подготовки.

– Значит – очередная провокация?

– С целью вызвать недовольство жителей, товарищ Председатель.

– Тогда – вопрос к вам обоим.

Председатель по очереди обошёл глазами лица подчинённых.

– Язов пойдёт на введение комендантского часа?

«Чекист» глазами переключил вопрос на армейца – но тот (вопрос) тут же вернулся адресату. «Я возвращаю Ваш портрет» не смутил чекиста.

– Товарищ Председатель, я не слишком хорошо знаю Язова, но я хорошо знаю Крюčkова. Поэтому отвечу прямо: Крючкову даже не придётся много стараться.

– Настолько безволен Язов?! – усмехнулся Председатель.

– Дело не в Язове, а в Крюčkове, – не усмехнулся «Чекист». – В ГКЧП, как говорится, «каждая собака» знает, кто есть ху. Номинальное председательствование Янаева никого не вводит в заблуждение. Кстати, товарищ Председатель, лидерство Крюčkова, пусть и не оформленное «законодательно», вполне устраивает членов ГКЧП.

– «Вот приедет барин – барин нас рассудит»?

– Именно, товарищ Председатель. ГКЧП – тот редкий случай, когда никто не рвётся в вожди, уступая эту сомнительную честь любому желающему. При таких обстоятельствах Крючкову нет альтернативы, хотя бы формальной. И это позволяет Владимиру Александровичу скрыть истинную причину своей активности: в отличие от коллег по ГКЧП, он – не баран на бойне, который обречённо ждёт конца. Неформальное лидерство в ГКЧП – часть плана Крюčkова, согласованного последовательно с Горбачёвым и Ельциным. Только показная активность «во имя ЧП» позволяет Крючкову решить задачи, стоящие или поставленные перед ним. Цель у него – одна: выйти из этой смуты с минимальными потерями, а буде возможно – и с капиталом.

Председатель медленно посверлил взглядом «тугоплавкого» и «легированного» «Чекиста» – и не слишком мажорно покачал головой.

– Значит, ты уверен в том, что не ошибаешься насчёт Крюčkова...

Многогочие в голосе Председателя наглядно свидетельствовало о том, что это – больше, чем вопрос: это – сомнение. И разведчик не замедлил ни с пониманием, ни с реакцией: его нижняя челюсть отвисла явно не по сценарию.

– Не понял...

– Объясню. Что, если все шаги Крюčkова, которые мы принимаем за чистую монету – только игра? Хитрая, сложная, многоходовая – но игра? Что, если это – маневры, которыми он только запутывает противника?

– Но – зачем?! – не притворно удивился «Чекист».

– «Элементарно, Ватсон»: чтобы усыпить бдительность врага. Чтобы заставить его сделать ошибки.

– Какие?

– Например: уверовать в лёгкую победу, а потому и особенно не напрягаться.

Разведчик оперативно наморщил лоб – и тут же с сомнением покачал головой.

– Возрази! – не стал «душить оппозицию в зародыше» Председатель.

– ГКЧП тоже не особенно напрягается, товарищ Председатель. Правда, в победу там не верят... Но Вашу мысль я понял...

«Чекист» хладнокровно взглянул в глаза опасности – «в лице» Председателя.

– Вы исходите из того, что, отработывая «службой всех господ», Крючков, на самом деле, старается для ГКЧП... У меня тоже была такая мысль. Но она исчезла сразу же, как только я сопоставил выгоды Ельцина и соответственно ГКЧП от действий Крюčkова.

«Чекист» с сожалением развёл руками.

– Выгоды – несопоставимы, товарищ Председатель. Точнее: выгодополучатель – лишь один: Борис Николаевич. А Комитету действиями Крюčkова наносится только ущерб. Причём, это – не блошинные укусы: Крючков де-факто обезоруживает ГКЧП... даже вооружая его. Вся его якобы активность – это цепь непрерывных провокаций, имеющих целью «подставить» ГКЧП так, чтобы он уже не смог вывернуться. Крючков хочет замарать ГКЧП армией и кровью, и при этом заставить всех его членов дрожать от страха уже от одной только мысли, что им придётся брать на себя ответственность за принятие решений. А пока они принимают его решения – все, каких он добивался. Те же, что ещё не приняты, будут приняты – в этом, зная настырность Владимира Александровича, можно не сомневаться.

– Эх, его бы таланты – да на доброе дело! – вздохнул «Армеец». «Чекист» отреагировал моментально.

– Ошибаешься, брат. Да, как и многие «профессиональные царедворцы», Крючков – талантливый интриган. Без этого жизнь «при дворе» невозможна. Но этим его таланты и исчерпываются: ведь он – интриган-разрушитель. На созидание он не способен. Он – не вождь: он – баран-провокатор, который ведёт отару на бойню. Согласись: «небольшая» – но разница.

«Армеец» обезоруживающе улыбнулся – и развёл руками: сдаюсь, мол.

– Ну, что ж: принято.

Словно утверждая приговор, Председатель тяжело опустил ладонь на дубовую столешницу.

– Я нарочно вызвал тебя на спор: из-за червяка сомнения в душе... А, может, то была надежда...

Осторожно поглядывая на Председателя, «Чекист» откашлялся.

– Позвольте – на полную откровенность, товарищ Председатель?

– Не только позволю – но и потребую.

– Спасибо. Тогда я – «сразу в лоб»: то, что не оправдались Ваши надежды – это очень хорошо. Судьба ГКЧП решена для всех – и она не может быть пересмотрена даже для одного члена. Хорошо, что Крючков оказался «Иудой» и «засланным казачком» в одном лице. В противном случае, нам пришлось бы принимать тяжёлое решение: исключения... исключены... Вы сами как-то ссылались на американский детектив, кажется, «Открытие сезона». Там, если помните, один «американский товарищ» решил отомстить высокопоставленным охотникам, у которых была забава: охотиться на живых людей. Одной из их жертв оказалась жена этого «товарища». Он выследил их, всё приготовил, дождался, когда они прямо на улице выберут себе «дичь», вывезут её на пленэр – и уже «на охоте» всех троих и приговорил.

«Чекист» сделал выразительную паузу.

– К чему я это говорю? Если бы «охотники» не подстрелили «дичь», мстителю пришлось бы сделать это за них. Да – невинные жертвы, но свидетелей не должно было остаться! Так – и у нас: даже будь Крючков «правильным товарищем», мы не могли бы сделать для него исключения. Всех – так всех! ГКЧП, как тот Карфаген, «должен быть разрушен»!

Председатель в знак согласия молча смежил веки – и повернулся к «Армейцу».

– Что – у тебя? Меня, прежде всего, интересуют данные по готовности «демократов»?

Утомившийся ожиданием своей очереди, «Армеец» моментально «перестал отсутствовать». Но штатской суеты за этим не последовало: на приём к Председателю члены Совета, да и все остальные члены «Организации», приходили в степени готовности не меньшей, чем сталинские наркомы – к Иосифу Виссарионовичу. «Э-э-э» и «М-м-м» исключались априори.

– Новость первая, товарищ Председатель: Грачёв договорился с Шапошниковым бомбить двумя самолётами Кремль и ГКЧП в случае, если в этом возникнет необходимость. Два фронтовых бомбардировщика Су-24 с аэродрома в Кубинке уже готовы к работе. Новость вторая: через Крючкова Шапошников отказался давать вертолёт для высадки на крышу Белого дома.

– Кто-то собрался высаживаться?! – непритворно удивился Председатель.

– Передовой отряд сто третьей дивизии ВДВ, товарищ Председатель. Не по плану ГКЧП... отсутствующему в природе: по другому плану, «узкого профиля». Его разработали генералы Министерства обороны, КГБ и МВД Ачалов, Грушко, Агеев и Варенников совместно с командирами подразделений «Альфа» и «Вымпел» Карпухиным и Бесковым соответственно.

«Армеец» сделал паузу, во время которой болезненно дёрнул щекой.

– К сожалению, к разработке плана примазались сторонники Ельцина Лебедь и Громов. Разумеется, в штабе Ельцина план тут же стал «секретом Полишинеля». По заданию Ельцина, Лебедь, Громов и «приданные» им в помощь Грачёв и Иваненко усиленно обрабатывают Карпухина и Бескова в духе установки «народ и армия – едины». Чем закончится эта миротворческая инициатива, догадаться нетрудно. Отказ Шапошникова – «первая ласточка»...

Вновь не переменявшись в лице – спокойном и бесстрашном – Председатель легонько прошёлся пальцами по столешнице. На пару мгновений он даже отлучился взглядом за окно. Но, даже пожелай того «гости», они физически не успели бы расслабиться: Председатель уже «заходил» на докладчика с очередным вопросом.

– Кто из Главкомов родов войск безусловно поддерживает Ельцина?

Предваряя ответ, «Армеец» лаконично прочистил горло.

– Я бы сформулировал вопрос иначе, товарищ Председатель: кто из Главкомов не поддерживает ГКЧП?

– Годится. И кто же это?

– По нашей информации, кроме Главкома авиации Шапошникова, не поддержат ГКЧП Главком РВСН генерал армии Максимов, и с большой долей вероятности – Главком ВМФ адмирал флота Чернавин. Никакой политики, товарищ Председатель: старички всего лишь не хотят осложнять себе жизнь перед пенсией. Тем более что обоим им «дышат в спину» относительно молодые сменщики: тот же адмирал Феликс Громов, пока командующий Северным флотом. Ельцин, разумеется, предпочтёт людей, не «замаравших» себя сотрудничеством с Горбачёвым.

– Но ГКЧП от этого не легче.

– Не легче, – вздохнул «Армеец», и тут же иронически покривил щекой. – Хотя этому ГКЧП ни от чего не легче. Даже бремя власти им – в тягость.

– Ты прав, – лаконично кивнул головой Председатель. – Что – по Ленинграду?

– То же, что и по Москве, товарищ Председатель.

«Армеец» огорчённо махнул рукой.

– Все расчёты – наобум Лазаря. Всё отдано на откуп командующему Ленинградским округом генерал-полковнику Самсонову. А это – очень хитрый дядя, куда хитрее Калинина. По нашим данным – непосредственно «из логова врага», что в «колыбели революции» – Самсонов и не собирается вводить танки непосредственно в город. Будет только демонстрация на окраинах и в пригородах. Специфическая, такая, демонстрация: не силы – для устрашения «демократии», а чтобы «замазать глаза» членам ГКЧП. Так сказать: «бальзам на раны» московских товарищей. Генерал будет якобы сомневаться, якобы проявлять нерешительность и якобы даже метаться между чувством долга и гражданина – но всё это будет спектакль. Нам доподлинно известно, что людьми Ельцина с Самсоновым уже ведётся активная профилактическая работа.

«Армеец» «поставил точку» голосом – и «в ожидании приговора» верноподданно уставился на Председателя. Тот медленно пожевал губами, словно те тоже участвовали в процессе размышлений. Наконец, усвоив информацию, он всё с тем же бесстрастным лицом «вернулся» к докладчику.

– И каким будет твоё заключение?

– ГКЧП обречён, товарищ Председатель!

«Армеец» выпалил «приговор» с такой готовностью и скорострельностью, словно не только ждал именно этого вопроса, но и заждался его.

– «ГКЧП обречён»... – эхом отозвался Председатель. В его глазах мелькнули озорные искорки. – И наш святой долг: помочь ему... в этом...

Глава двадцать первая

Восемнадцатого августа около восемнадцати же часов «по Москве» в кабинете Председателя КГБ раздался звонок. Рука Крючкова буквально снесла трубку с рычагов: так сильно и непритворно её хозяин извёлся в ожидании.

– Владимир Александрович: Бакланов, – на удивление бесстрастно «представилась» трубка.

– Слушаю тебя, Олег Дмитриевич! – без всякой конспирации заорал в ответ Крючков.

– Мы только что от него...

– Ну?!

– Не «ну» – а «ну, и ну», Владимир Александрович...

Даже за тысячи километров было слышно, как тяжело вздохнул Бакланов. А ещё даже за тысячи километров было «видно», как помрачнело усталое лицо тяжело вздохнувшего Бакланова. Всё поняв без перевода, Крючков перестал кричать – и перешёл на октаву ниже.

– В своём репертуаре?

– Вот именно: «и ни «да», и ни «нет»...

Владимир Александрович нервно пробежался ладонью по заросшему подбородку: брился, как и положено, с утра – но ли «от жизни такой», то ли от нечистого бритья, волос пробился, всё равно – и досрочно.

– Вы уже в дороге?

– Ну, а то!

Крючков бросил взгляд на часы.

– Значит, в Москве будете около девяти?

– Если долетим, – «дал мажору» Бакланов.

– Никаких «если»! – не принял шутку Крючков. – Машины с охраной будут ждать вас в «Чкаловском» ещё до девяти! Как только сядете – сразу же в Кремль! Ждать больше нечего!

– Хорошо, – пустым, безжизненным голосом откликнулась трубка. – Только ты...

– Разумеется, разумеется!

Судя по характеру и скорости «перехвата», Крючков сразу же догадался о продолжении.

– Я сейчас же начинаю обзванивать всю нашу «гоп-компанию». К восьми часам все будут в Кремле. А там и вы подтянетесь... Ну, до встречи, Олег Дмитриевич.

Получив в ответ «последнее «прости», Крючков положил трубку, и несколько секунд ничего не видящими глазами смотрел в никуда. Затем он резко махнул головой, будто стряхивая с себя то ли наваждение, то ли нерешительность – и левой рукой поднял ближайшую к себе трубку.

– Привет, Валентин Сергеевич.

– Ну, наконец-то! – «шумно перевела дух» трубка. – Только не «убивай» сразу: звонили из Фороса?

– Да.

Даже в трубку было слышно, с каким шумом упал духом премьер.

– Что: так плохо?

– Странный вы, всё-таки, народ!

Обычно «легко обтекаемый», Крючков взорвался не хуже героя одной из песен Высоцкого – того, который: «Я щас взорвусь, как триста тонн тротила».

– Говорили, говорили – а вы всё о том же! Неужели и ты питал иллюзии?! Ну, ладно: Болдин... это пустое место... или Тизяков со Стародубцевым – люди хорошие, но случайные... Но – ты-то?! Ты-то с какого хрена «возлюбил Михал Сергеича»?! Да он нас – как тот Паниковский в «Золотом телёнке»: продаст, купит – и снова продаст, но уже подороже!

– Ладно, – пристыжено вздохнув «капитулировал» Павлов. – Собираемся, что ли?

– Ну, хоть на этот раз ты был на высоте! – отметил «верный упадок духа» Крючков. – В восемь в Кремле? Годится? Или у тебя опять – «юбилей Губенко»?

Даже в трубку «было видно», как раздражённо поморщился Валентин Сергеевич.

– Не можешь не уколоть – да, Владимир Александрович? Я, хоть и был «при параде», а тут же позвонил Николаю Николаевичу, извинился перед ним – и поехал на твой АБЦ!

Несмотря на избыток нервических флюидов, переполнявших не только нутро, но и воздух, Крючков открыто, «не по сценарию», рассмеялся.

– Ну, извини, Валентин Сергеевич, если я тебя обидел! Как говорится, кто старое помянет... Да, и будь добр: позвони Янаеву.

– А ты...

– Я, разумеется, тоже позвоню. Но это – тот случай, когда две головы... то есть, два языка – лучше, чем один. Ты же сам знаешь: один звонок наш «героический вице» сумет отбить. Надо – чтобы наверняка... как контрольный выстрел в голову...

Ровно в восемь, почти с боем курантов, все приглашённые собрались в кабинете Павлова. Вице-президент Янаев вошёл в кабинет последним, когда все уже сидели за столом. «Всех», с учётом новоприбывшего, оказалось семеро: премьер-министр Павлов, Председатель КГБ Крючков, министр обороны Язов, министр внутренних дел Пуго и «представители от народа» Стародубцев и Тизяков.

Несмотря на численное сходство, на героев героических же фильмов «Семеро смелых» и «Великолепная семёрка» эта семёрка не походила ни в малейшей степени. Исключение составлял Крючков, как всегда, бодрый, деятельный и энергичный. Все другие гэкачеписты были честно потрясены фактом свалившейся на них ответственности. И пусть она ещё даже не свалилась на них, а только грозила сваливанием – потрясения от этого не становилось меньше.

«Ещё в дороге» покосив глазом в Крюčkова, Янаев нерешительным шагом проследовал к свободному креслу во главе стола, и медленно, словно извиняясь за самозванство, опустился в него. Опустившись, он тут же принялся «решительно отсутствовать» взглядом, голосом и «остальным имуществом».

Не дождавшись «соблюдения протокола», премьер-министр – частично по причине большего мужества, частично на правах хозяина кабинета – медленно подрос над столом. Даже по «зарытым в пол» глазам соратников было видно, что они благодарны Валентину Сергеевичу за избавление от участи Александра Матросова и избранной тем амбразуры. Но, едва только Павлов открыл рот, впечатление, произведённое его «решительностью» на коллег, тут же обратилось в свою противоположность, ибо решительность премьера оказалась специфического характера.

– Слово для важного сообщения предоставляется члену нашего Чрезвычайного комитета Владимиру Александровичу Крючкову.

Пока соратники, кто ироническими, кто растерянными ухмылками давали оценку «дезавуированному мужеству» премьера, глава КГБ успел первым ликвидировать «неуставное выражение» лица – и вернуться к образу «главного заговорщика».

– Начну без предисловий, товарищи...

Даже анонсировав отсутствие предисловий, Крючков умело выдержал драматическую паузу, за которую его контрагентам пришлось не раз «извертаться на пупе».

– Полчаса назад мне звонил Бакланов. Звонил из машины, по дороге из Фороса в Бельбек.

Публика моментально насторожилась, чтобы тут же упасть духом: голос докладчика не оставлял другой возможности.

– Да-да, товарищи: вы правильно меня поняли... К сожалению, Горбачёв оказался... Горбачёвым: «ни «бэ», ни «мэ», ни «ку-ка-ре-ку».

– Что: Бакланов так прямо и сказал?!

Первым «из окопа выглянул» министр обороны – но лицо его при этом не соответствовало образу храбреца, первым откликнувшегося на призыв комиссара полка: «Коммунисты – вперёд!». Разумеется, «героизм» маршала не остался без должной оценки: Крючков не поспешил на ухмылку.

– Нет, уважаемый Дмитрий Тимофеевич: Бакланов был несколько проще. Если – совсем точно, то он сказал буквально следующее: «Как мы и ожидали: «ни «да», ни «нет».

После разъяснения Председателя КГБ народ уныл вторично. И на этот раз кривых – и даже растерянных – ухмылок не было. Все оказались «из одного лукошка», не имеющего никакого отношения к установке «Мы все – бесстрашные герои, и вся-то наша жизнь есть борьба».

Ожидаемая реакция коллег ожидаемо же не смутила Крючкова. Он даже не стал «совершать подворный обход»: решительно ограничился холодным взглядом светло-серых, почти стальных теперь, глаз, которыми он уставился в первого попавшегося. Первым попавшимся оказался маршал Язов.

– Полагаю, ни у кого уже нет сомнений в том, что час пробил.

«Час» – из уст Председателя КГБ – пробил своеобразно: по головам соратников. Пробил кузнечным молотом: товарищи вмяли головы в плечи настолько энергично, что уменьшились в длину не хуже былинных Ильи Муромца и Святогора, которые одним ударом по очереди вгоняли вдруг друга по пояс в землю. Правда, этим их сходство с былинными героями и ограничилось.

Зрелище не огорчило шефа КГБ: даже порадовало.

– Выбор сделан, «господа заговорщики». И обратного пути нет... как бы ни хотелось этого кому-то из присутствующих.

«Первым из присутствующих, кому ни хотелось», ожидаемо стал вице-президент Янаев. Бледный, как обычно, он без труда изыскал резервы для обесцвечивания сверх норматива. Его «политического мужества» хватило даже на вопрос. Точнее – на его начало:

– Вы хотите сказать...

– Да! – безжалостно отработал на перехват Крючков. – Вы правильно меня поняли, Геннадий Иванович: ГКЧП должен немедленно объявить о взятии власти... Виноват: о введении чрезвычайного положения в Москве и отдельных регионах Советского Союза. По достоверным сведениям, демократы сейчас почивают – и не лаврах: просто отдыхают по домам «от трудов праведных». Как говорится, сам Бог велел нам воспользоваться случаем. За то время, пока они дремлют, полагая, что ни мы, ни власть от них никуда не денутся, мы спокойно, без шума, пыли и крови возьмём «Белый дом», чтобы не допустить создания параллельного центра власти.

Предложение – оно же заявление – Крючкова народ встретил гробовым молчанием. И только через минуту, звенящую до рези в ушах тишину оживил голос Павлова.

– Есть другие мнения?

Над равниной «отсутствующих» голов медленно и нерешительно поднялась рука Язова.

– Я предлагаю не принимать никакого решения, пока мы не заслушаем отчёт... ну... сообщение нашей делегации об итогах встречи с Горбачёвым... Может, ещё не всё потеряно...

Под исполненный надежды взгляд маршал «отошёл в сторону», но его место тут же занял вице-президент.

– Я буду прям, товарищи...

Под это мужественное заявление Геннадий Иванович, первым делом, ушёл глазами в сторону, где они пребывали всю «оставшуюся часть подвига».

– ... Я был совершенно не в курсе того, что тут затевается... Мне несколько раз звонили в машину Валентин Сергеевич и Владимир Александрович, оба просили меня срочно приехать для того, чтобы обсудить какие-то срочные вопросы... Именно так: какие-то срочные вопросы... какие именно, мне не сказали. Я и не догадывался об их характере... А приехал я лишь потому, что знаю тяжелейшую ситуацию в стране. Подписание нового Союзного договора... неоднозначная реакция общества по этому поводу... всё такое... Я и не знал, о чём пойдёт речь...

– Очень содержательное выступление, – не выдержал Крючков, не жалея яда ни на взгляд, ни на голос. – Теперь мы все знаем, что уважаемый Геннадий Иванович стал жертвой коварных умыслов премьер-министра и Председателя КГБ, которые злодейски скрыли от него повестку дня. Можно сказать: «заманили в западню» – а сам он, разумеется – «ни сном, ни духом».

Янаев покраснел, и ещё ниже опустил голову.

– Кажется, Геннадию Ивановичу нечего больше сказать, – жёстко усмехнулся Крючков. – Так что, слово пока свободно. Может, есть желающие его взять?

– Разрешите мне?

Вначале над столом нервно заколыхалась рука министра внутренних дел – а затем и «весь» Борис Карлович составил ей компанию.

– Нравится Вам это или нет...

Пуго «мужественно» стрельнул дрожащим, как и всё остальное, взглядом в Крючкова.

– ... но я считаю, что Дмитрий Тимофеевич прав. Незачем нам «бежать впереди паровоза». В данной ситуации, когда у нас нет точной и объективной информации, самым разумным будет дождаться товарищей из Фороса, и выслушать их. Тогда и будем решать...

Не глядя ни на кого, Пуго вернулся на место. Заметив «воскресающие» глаза соратников, Крючков молча усмехнулся – и отёрнул рукав пиджака. Тусклым золотом блеснул корпус наручных часов.

– Ну, что ж... По моим расчётам, машины с делегацией уже на полпути от «Чкаловского» к Кремлю... Достаточно моих слов – или?..

Зацепившись ироническим взглядом за первого попавшегося, которым вновь оказался маршал Язов, Владимир Александрович сделал выразительную паузу и не менее выразительно приподнял бровь. Такой неделикатности Дмитрий Тимофеевич не выдержал – и «отступил на заранее подготовленные позиции»: уткнулся глазами в пол. Правда, «уже в дороге» он успел, таки, оппонировать чекисту.

– «Или», Владимир Александрович...

– Хорошо.

Крючков энергично подошёл к батарее разноцветных аппаратов, стоящих на тумбочке у стола премьера.

– Ты позволишь, Валентин Сергеевич?

Павлов молча, с шутовой укоризной во взгляде, улыбнулся в ответ – и развёл руками. Сухо кивнув головой, Крючков даже не потратился на поиски нужной трубки: сразу поднял «нужную». Долго ждать контакта не пришлось: «с того конца провода» откликнулись почти сразу.

– Нет, Олег Дмитриевич, это – не Валентин Сергеевич! – озорно подмигнув премьеру, крикнул в трубку чекист. – Да, я... Чем порадуешь? Нет, Олег Дмитриевич: это ты – чем порадуешь?.. Через пятнадцать минут? Ждём... Кто «ждём»?

Крючков выдержал паузу и усмехнулся.

– Все ждём, Олег Дмитриевич... Весь «бомонд»... Да, собрались все... У Павлова. Так, что – сразу же сюда. Всё.

Крючков положил трубку – и «вернулся» к коллегам. Несмотря на «удовлетворение ходатайства», удовлетворения на их лицах не было. Напротив: они напряглись столь выразительно,

словно окончательно поняли: «Рубикон перейдён», и никакой, самый благодушный, самообман не спасёт их от правды жизни.

– Поскольку работы пока нет... ну, в том смысле, что кое-кто так считает, а пятнадцать минут ничего не решают, предлагаю объявить перекур.

Подавая пример коллегам, шеф КГБ первым направился к двери. За ним недружно загремели стульями остальные. В прихожей народ не задержался – и транзитом проследовал в коридор. «Перекур» оказался всего лишь фигурой речи, в лучшем случае – условностью. Никто – даже из курильщиков – не обозначил и попытки закурить. Все молча рассредоточились вдоль стен, будто обрадовавшись возможности хотя бы на пять минут абстрагироваться от действительности, которая уже вынуждала к поступкам. К тем самым, неизбежность совершения которых они всячески, под любым предлогом, откладывали – но, как оказалось, «и только».

В отличие от погружённых в себя коллег, Председатель КГБ тут же занялся делом: открыл прихваченную собой папку, и углубился в чтение. Время от времени он делал карандашом лаконичные пометки на листах, иногда что-то переносил в записную книжку, которая солидно выпирала из внутреннего кармана отменного серого пиджака. За всё это время он ни разу не взглянул на соратников, если не считать взглядом «шпионский», без участия головы, одномоментный «перекос» глаз, закончившийся иронической ухмылкой на губах.

Народ застыл в ожидании. Время – нет...

Глава двадцать вторая

– Борис Николаевич, прибыл Руцкой.

Улыбаясь помесью голодного крокодила и чёрной мамбы, Бурбулис сложился в подобострастном поклоне.

Ельцин неспешно оторвался... нет, не от документов и даже не от газеты: от рюмки с «Метаксой»: с подачи Гавриила Попова, этого «замаскировавшегося грека», напиток с берегов Эллады пришёлся Борису Николаевичу по душе и прочим внутренностям. Поэтому «отрыв» произошёл только после освобождения рюмки от содержимого.

– Давно ждёт? – самодовольно осклабился Ельцин: хоть Руцкой и был вице-президентом – а показать, кто в доме хозяин, не мешало даже «государственному деятелю номер два».

– Только что, Борис Николаевич – но я предложил ему посидеть.

– Заводи!

Бурбулис исчез за дверью, чтобы тут же распахнуть её с той стороны, отойти в сторону, но отработать при этом совсем не привратником: слащаво-приторная ухмылка превосходства на тонких губах мешала образу. А, может, и помогала – но уже настоящему. Не глядя на Бурбулиса: сразу чувствовалось, что «приязнь» взаимна – Руцкой вошёл в кабинет. Ельцин встал из-за стола только при его появлении. Да и как встал: вальяжно, неспешно, барином.

– Здравствуй, Александр Владимирович.

«Барин» даже расщедрился на рукопожатие: обычно «клиенты из обслуги» достаивались, в лучшем случае, благосклонного кивка.

– Здравствуйте, Борис Николаевич.

Разной в приветствиях не был случайным: вице-президент не мог обращаться к президенту «на ты». «По определению». Но в ещё большей степени не мог этого сделать просто Руцкой: как и все властные хамы, Ельцин не терпел панибратства даже такого уровня. И ни один человек из его окружения не мог претендовать на чин «исключения из правил». По старой – тоже хамской – привычке Ельцину «тыкал» один лишь Горбачёв.

Но в последнее время и «Михал Сергеич» – «тот ещё» хам! – всё чаще понимал, что наступает момент, когда ему придётся либо самому перейти «на Вы» – либо не скрипеть зубами в ответ на ельцинское «ты».

На уважительное «Вы» работало и то обстоятельство, что Руцкой по природе не был хамом. До недавнего времени Александр Владимирович был военным лётчиком, полковником, воевал в Афганистане, попал в плен, много чего перенёс – зато на Родину, в отличие от многих товарищей по несчастью, вернулся в ранге героя и ореоле славы. Ранг героя тут же был оформлен надлежащим образом: Руцкому присвоили звание Героя Советского Союза.

К этому времени «перестройка» уже вовсю корёжила не только судьбу страны, но и судьбы людские. Настал черёд Руцкого – и служба как-то сразу перестала занимать Александра Владимировича. Даже учёба в Академии Генерального Штаба – предел мечтаний в прежние годы – уже не входила в планы героического полковника. Руцкой подался в политику.

Но, не имеющий никакого опыта «закулисья» и «подковёрья», он не сразу пробился в депутаты. Зато, когда пробился, сразу понял, что, первым делом, ему надо правильно сориентироваться в обстановке. Сориентироваться помогли депутаты либеральных взглядов. Имя Руцкого, как одной из «звёзд» «демплатформы в КПСС», было теперь на слуху у всех.

Подошедшие выборы президента РСФСР довершили «переформирование образа» отставного полковника: демократический кандидат Ельцин неожиданно предложил Руцкому идти с ним на выборы «в одной упряжке». В чине кандидата на пост вице-президента России, то есть. Не понял Александр Владимирович, что нужен он был Ельцину как... нет, не «как

пятая нога»: как таран, которым можно было сокрушить «ворота» к сердцам избирателей. Ведь у главного противника Ельцина – бывшего Предсовмина СССР Рыжкова – «пристяжным» шёл другой герой недавней войны: генерал Громов. Эта конфигурация сразу же понизила шансы Ельцина на избрание до минимума. Нужен был эффективный противовес.

Таким противовесом и стал Руцкой. Естественно, товарищу «предложили откусать» совсем другую наживку: Ельцин пообещал Александру Владимировичу, что тот не превратится в декорацию, а будет реально контролировать весь блок силовых министерств. Избрание состоялось, но после июня прошло слишком мало времени для того, чтобы делать выводы...

– Садись, Александр Владимирович: разговор у нас с тобой будет долгим.

Лицо Руцкого моментально напряглось и посерело – да так выразительно, что даже пышные «буденовские» усы Александра Владимировича не смогли «расцветить» его. Но «лезть поперёд батьки» с вопросами он не стал – и молча занял предложенный стул.

Ельцин долго «гулял взглядом» по сторонам, в основном, за окном: никак не мог начать разговор. И лишь, когда Руцкой начал беспокойно ёрзать на стуле, президент «включил звук».

– Вот, какое, значит, дело, Александр Владимирович... Как тебе известно, со дня на день произойдёт выступление... путч этого... ГКЧП...

Ельцин покосил глазом в Руцкого, но тот лишь молча прибавил в бледности. Борис Николаевич ухмыльнулся.

– Не пугайся, Александр Владимирович: мы готовы к этому путчу... в отличие от самих путчистов. Наши люди не позволят ГКЧП ничего серьёзного. А своими глупостями те лишь сыграют нам на руку...

Ельцин красиво – как только он один и умел – сдвинул брови.

– Меня сейчас занимает другой вопрос: Горбачёв...

На этот раз «вице» не смог «отделаться краской»: тут же удивлённо вскинул брови.

– Да-да, – краем глаза одоббив реакцию собеседника, покачал головой Борис Николаевич. – С этими дураками мы разберёмся, как сказал бы Лёлик из «Бриллиантовой руки», «без шума и пыли». Они даже полезны – в качестве дураков. А, вот – Горбачёв...

Злость полилась и из голоса, и из глаз Ельцина, но он даже не «прикрутил крантик».

– Этот тип будет выжидать: кто кого переборет – чтобы примкнуть к победителю. Да и на тот случай, если победим мы, он уже заготовил себе «запасной аэродром»... как говорят не только в авиации, но и в политике.

– Союзный договор?

Словно отвечая Ельцину почти «один в один», Руцкой показал, что в политике соображают и авиаторы. И Борис Николаевич понял это, хоть и не переменялся в лице.

– Да. Горбачёв рассчитывает избавиться от консерваторов из своего окружения, чтобы они не мешали ему возглавить новый Союз.

– Опять метит в президенты?

– В президенты ССГ.

Рукой озадаченно наморщил лоб.

– Что это такое, и с чем его едят?!

Ельцин рассмеялся: ему понравились и вопрос, и формулировка.

– Ну, сейчас, как ты знаешь, планируется сохранить название «СССР» – только с другим содержанием. Если будет подписан новый союзный договор, СССР из «Союза Советских Социалистических Республик» превратится в «Союз Советских Суверенных Республик».

– Существенная разница, – покривил щекой Руцкой.

– Но это – лишь начало, Александр Владимирович!

Ельцин многозначительно потряс толстым указательным пальцем в сантиметре от лица вице-президента.

– Вторую часть Горбачёв уже сейчас наметил к сокращению – только помалкивает об этом до поры до времени, чтобы «не дразнить собак». Так что, себя он видит президентом ССГ: «Союза Суверенных Государств».

Своей паузой Борис Николаевич словно «оставил местечко» для вице-президента – и тот укоризненно покачал головой.

– Не лучшее название... Лишённое смысла и географической привязки... Да и – вообще...

– Вот именно: «вообще»! – тут же подхватил Ельцин. – Горбачёв понимает, что «ССГ» – это всего лишь временная остановка на пути к полной независимости республик. Но, поскольку ему хочется уйти красиво – так, что не плевали в спину – о большем он и не думает...

Ельцин опять замолчал – а Руцкой почти растерянно наморщил лоб. Он всё ещё не понимал, к чему клонит «Бабай», как называла Бориса Николаевича его спичрайтер Люся Пихоя. Хотя одно уже было ясно: его приглашение к президенту как-то связано с Горбачёвым, то ли с «настоящим», то ли с «будущим».

– Я предпочёл бы разом избавиться от Горбачёва! – здоровенной мужицкой ладонью рубанул воздух Ельцин. – Всё время он путается под ногами у республик! Всё время комбинирует, чтобы выгоднее пристроить самого себя! Но...

Борис Николаевич с непритворным сожалением развёл руками.

– ... пока убрать его не получается... Пока существует СССР и пока идут разговоры о новом Союзном договоре, Горбачёв неуязвим...

– Борис Николаевич, Вы хотите сказать, что ГКЧП...

– Вот именно! – решительно махнул головой Ельцин. – ГКЧП, сам того не желая, сделает для нас доброе дело – и даже не одно! Во-первых...

Ельцин энергично загнул «сосисочный» палец.

– ... Он ускорит так называемые... как их... ну?..

– Центробежные тенденции?

– Точно! Как только мы раздавим ГКЧП, республики, одна за другой, начнут объявлять о своей независимости.

– Но хорошо ли это? – с сомнением покачал головой Руцкой. – Хорошо ли это для России? Не окажемся ли мы в кольце враждебных государств? Если сейчас все, кому не лень, обвиняют русских в империализме, колониализме и ещё, чёрт знает в чём – что же будет потом?!

– Накручиваешь, Александр Владимирович!

Ельцин презрительно махнул рукой.

– Да, нам – России – Союз больше не нужен. Ни этот, ни любой другой. Россия пойдёт одна, своим путём. А что касается остальных...

Ухмылка Ельцина прибавила в размере.

– Они сами прибегут к России! На коленях приползут! Упрашивать будут! Умолять! А мы ещё подумаем: брать – или не брать!

– «Упрашивать и умолять»?..

Руцкой с сомнением – но на этот раз предельно осторожно – покачал головой.

– Не уверен, Борис Николаевич...

– Да так и будет! – ещё решительней отмахнулся Ельцин, и тут же, словно вспомнив о главном, величественно сдвинул брови к переносице. – Но мы ушли в сторону... Значит, центробежные тенденции – это во-первых. А, во-вторых: никакого подписания нового Союзного договора не будет!

Лицо Ельцина, всё в красных прожилках от злоупотребления спиртным – пришло в ликование.

– Не будет никакого двадцатого августа! А это значит, что не будет никакого «Союза Суверенных Государств» и тёпленького местечка для Горбачёва!

– Но Президентом СССР он, всё равно, останется, – то ли возразил, то ли констатировал Руцкой. – Кто бы и как ни заявлял о независимости – Союз не сразу кончится...

– Вот!

Ельцин грузно, всем животом, налёг на столик, разделяющий их с Руцким, затем перегнулся через него – и панибратски, от всей «широкой русской души», врезал собеседнику по плечу.

– Вот, Александр Владимирович! «В яблочко»! Об этом я и хотел поговорить с тобой!

Как всегда, умело «напустив туман» и бледность на лицо контрагента, Борис Николаевич грузно осел в кресло.

– Ты верно подметил, Александр Владимирович: из путча Горбачёв выйдет, хоть и не победителем, но не без выгоды для себя...

Гримаса ненависти, изрядно сдобренная презрительной иронией в адрес «героя повествования», искривила лицо Ельцина.

– А как иначе: «жертва коварных заговорщиков», которым он «героически противостоял». Вот увидишь: сам себя запрёт в Форосе – а будет кричать на весь мир, что его чуть ли не «повязали»!

Не удовлетворившись гримасой, Борис Николаевич длинно и сочно выматерился, вложив в текст не только душу, но и всю свою «любовь» к «дорогому Михал Сергеичу».

– А, главное: он останется Президентом Союза. Потому что Союз останется... пока...

Воспользовавшись паузой, Руцкой неожиданно «легковесно» пожал плечами.

– Ну, и пусть остаётся! Вы же сами говорите: «пока». Центробежные тенденции уже не остановить и процесс впясть не повернуть. Союзу остались считанные месяцы – а, может, недели. Всё это время Горбачёв будет ежедневно лишаться тех или иных властных полномочий. И это – не потому, что я – такой «Нострадамус»: после разгрома ГКЧП обязательно начнётся демонтаж советского государства. Так бывает всегда: это – диалектика, закон политической борьбы. И, скорее всего, он начнётся с силовых ведомств. Контроль над ними у Горбачёва отберут в первую очередь... В свете этого я не вижу оснований для беспокойства, Борис Николаевич: пусть «Михал Сергеич» «умирает своей смертью»!

Впервые за время беседы Ельцин посмотрел на собеседника с неподдельным уважением. Он даже восхищённо покачал головой.

– Вот, уж, не ожидал от тебя, Александр Владимирович... Грешным делом, я думал, ты – тупо... ты – такой, как все вояки... А ты – словно стоял у меня за спиной, когда мы составляли план работы!.. Не ожидал от тебя...

– Значит, уже есть план? – на удивление... не удивился Руцкой.

– Есть, Александр Владимирович!

Ельцин подмигнул – и с видом неисправимого заговорщика подался вперёд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.